

РОМАН  
ГЛУШКОВ

РУССКАЯ  
ФАНТАСТИКА

ЯРОСТЬ АНТЕЯ



Роман Глушков

**Ярость Антея**

«ЭКСМО»

2009

**Глушков Р. А.**

Ярость Антея / Р. А. Глушков — «Эксмо», 2009

ISBN 978-5-699-35157-2

В недалеком будущем страшная природная катастрофа постигает Новосибирск – загадочный сейсмический катаклизм превращает город в гигантскую аномальную зону, где начинают происходить совершенно необъяснимые и смертельно опасные феномены. Отправленная навстречу неизвестности научная экспедиция академика Ефремова терпит фиаско: те ее участники, кому повезло вернуться назад, утратили разум, а сам руководитель экспедиции без вести пропал в полуразрушенном и вымершем Новосибирске. Случайно втянутый в эту историю отставной армейский капитан Тихон Рокотов теперь единственный, кому по силам отыскать следы исчезнувшего ученого и выяснить, что за чудовищная напасть обрушилась на его родной город.

ISBN 978-5-699-35157-2

© Глушков Р. А., 2009

© Эксмо, 2009

# Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	27
Глава 4	37
Глава 5	54
Конец ознакомительного фрагмента.	58

# Роман Глушков

## Ярость Антея

*Есть вещи, которые нам понятны сразу же. Есть вещи, которые мы не понимаем, но можем понять. Кроме того, есть вещи, которых мы не можем понять, как бы мы ни старались.*

**Юдзан Дайдодзи. Будосесинсю.**

*– Темный человек звонит не с небес, – сказал Стью. – И если это погребальный звон, то, по-моему, он доносится из мест, расположенных значительно ниже.*

**Стивен Кинг. Противостояние.**

### Глава 1

Псих стоит перед запертой дверью моей палаты и, не моргая, пялится на меня через заляпанное кровью смотровое окошко. Рослый, подтянутый, с короткой армейской стрижкой, псих явно принадлежит к бывшим военным. Как и шестеро его приятелей, бесчинствующих сейчас в «зоопарке», – отделении для буйных пациентов нашего психоневрологического диспансера. Эту компанию доставили сюда скопом сутки назад и распределили по отдельным боксам, однако, несмотря на усиленную со вчерашнего дня охрану, сумасшедшие вояки все равно умудрились вырваться и устроили в изолированном крыле клиники кровавую бойню...

На первый взгляд никто из этой семерки не выглядел буйным подобно подавляющему большинству пациентов нашего отделения. Новички – все как на подбор плечистые и крепкие, – проследовали, понунив головы, под конвоем по коридору и были размещены по палатам без каких-либо эксцессов. Для поступающих в «зоопарк» бузотеров новоприбывшие вели себя прямо-таки с монашеской скромностью. Глядя на их угрюмое смирение, можно было подумать, что они очутились здесь по ошибке. Но красные фриз-комбинезоны, надеваемые исключительно на нашего беспокойного брата, свидетельствовали, что семеро громил не ошиблись адресом.

– Черта с два эти мордovorоты будут паиньками, – заметил тогда Скептик, как обычно беспардонно вмешавшись в ход моих мыслей. – Не нравятся мне такие соседи, брат. В мозгах этих парней гнездится не болезнь, а что-то странное. По мне, их не только психами, но и людьми уже нельзя назвать. Вот увидишь, огребем мы с ними проблем на нашу с тобой многотрадальную голову.

Я промолчал. Спорить со Скептиком в таких вопросах бессмысленно. Уж коли он заверяет, что быть беде, значит, она и впрямь имеет все шансы скоро разразиться. В последний раз, когда мой вечно брюзжащий братец предвещал скорые неприятности, он оказался абсолютно прав. Они действительно нагрянули, вследствие чего меня и перевели из общего стационара в палату для буйнопомешанных.

Всех обитателей «зоопарка» содержат в персональных апартаментах, чьи стены и пол мгновенно ограждаются упругим силовым полем, едва чувствительные сенсоры замечают за пациентом любое резкое движение. Вдобавок при этом мы получаем легкий удар электротоком – не болезненный, но все равно малоприятный. Весьма действенная воспитательная методика, надо сказать. Даже самые невменяемые любители биться головой о стену быстро отвыкают от этой привычки, становятся шелковыми и начинают расхаживать по палате на полусогнутых. И никакого рукоприкладства и смирительных рубашек, что повсеместно использовались в пси-

хиатрических клиниках аж до конца двадцать первого века. Ныне чересчур беспокойных психов утихомиривают только такими высокотехнологичными мерами.

Единственное, что нам не возбраняется, это орать. Голосить и ругаться в «зоопарке» можно хоть до посинения – все равно наши вопли не вылетают за звуконепроницаемые стены боксов. Да и как иначе буйному пациенту выпустить пар, если местные правила категорически запрещают дубасить стены и наносить себе увечья? При малейших попытках суицида пол вновь начинает стегать наши босые пятки током, а эластичные волокна фриз-комбинезонов вмиг становятся жесткими, будто пружины тугого эспандера. После чего даже банальное почесывание требует от нарушителя порядка воистину геркулесовых усилий. Поэтому самым неугомонным из нас только и остается, что шататься из угла в угол, блажить и вздрагивать, когда охранная система изолятора нет-нет да и наградит тебя для остратки электрическим щипком. Иные виды активного времяпрепровождения пациентов медперсонал «зоопарка» категорически не одобряет.

Впрочем, несмотря на жесткий режим, семерке чокнутых вояк удастся каким-то образом выскочить из палат и разделаться со своей многочисленной охраной. Судя по знакам отличия, ее составляют солдаты местной комендантской дивизии – подразделения федеральных войск, призванного в поддержку милиции до окончания Третьего Кризиса. Группа комендантов усилена тоже отнюдь не хилыми медбратами и сотрудниками безопасности клиники, но проку от их взаимопомощи нет. Бунтари уступают им числом, зато выигрывают умением. Как выяснится впоследствии, каждый из этих психов еще недавно служил в элитном спецподразделении «Громовой Кулак». Тот самый «Кулак», что три года назад подавил бунт экстремистов из радикального крыла партии Воинствующей Интеллигенции, превративших некогда мирный Академгородок в свою всероссийскую штаб-квартиру.

Понятия не имею, как психи-спецназовцы умудрились покинуть боксы и почему медперсонал не обездвигил их посредством фриз-комбинезонов. В этот момент я лежу на матрасе, пялюсь в потолок и внимаю в полудреме бормотанию Скептика. Нескончаемая болтовня братца давно превратилась для меня из раздражающего фактора в отменное медитативное средство наподобие пения буддистских монахов. Засыпать под эти монотонные философствования – одно удовольствие. Разве что когда Скептик не в настроении, он, бывает, обижается, что я его игнорирую и в отместку учиняет мне побудку. Но обычно велеречивый братец проявляет терпимость к моей невнимательности. Как, например, сегодня, за что я ему премного благодарен. Беря в расчет, сколько раз мы препирались после того, как по вине Скептика мое командование упряло меня в психушку, эти короткие перемирия могли считаться почти что праздниками. Тем паче, что иных поводов для празднования в нашем «санатории» нет и не предвидится.

То, что в коридоре творится переполох, я смекаю по мельтешению теней в смотровом окошке. В «зоопарке» потасовки больных с персоналом не редкость, но, как правило, эти конфликты длятся считанные секунды. То есть до той поры, пока дежурный медбрат не активизирует фриз-режим комбинезона агрессивного пациента. На сей раз мелькание красных комбинезонов в окошке подозрительно затягивается, хотя главными действующими лицами в разыгравшемся там спектакле, наоборот, должны быть темно-зеленые силуэты охранников и белые санитаров. Доносящегося снаружи грохота я, само собой, не слышу, но вибрацию пола от множества топчущих по нему ног звукоизоляция палаты поглощает не целиком.

Однако не топот вынуждает меня вскочить с матраца и броситься к двери, а перекошенная физиономия одного из медбратьев, врезавшаяся в смотровое окошко моего бокса. Она припечатывается к противоударному стеклу с такой силой, что оно покрывается трещинами, будто в него шарахнули, как минимум, кувалдой. И прежде чем расквашенное лицо медбрата отлипает от двери, я успеваю заметить взгляд его застывших вытарщенных глаз. В них чита-

ется огромное и искреннее изумление. Такое изумление, наверное, было и в глазах Цезаря, когда вероломный Брут вонзил ему в спину кинжал.

Тот, кто поверг санитаря в смятение, а затем оглушил его и выдрал бедолаге кадык, нарисовался передо мной мгновение спустя. Дюжий, под два метра ростом, псих отшвыривает мертвеца к стене и, перешагнув через него, подходит вплотную к двери моего бокса. В этот момент я, взбудораженный, подсакиваю к ней с другой стороны, и когда наши с громилой взгляды встречаются, нас с ним разделяет не более полушага. Если бы не растрескавшееся и заляпанное кровью стекло, бунтарь легко ухватил бы меня за горло и разодрал его так же, как глотку своей последней жертвы.

Не ожидавший столь жуткой встречи, я отскакиваю, но тем не менее успеваю увидеть все, что творится за спиной психа, который буравит меня немигающим и – что поразительно – абсолютно невозмутимым взором. Остальные шестеро новичков как раз добивают остатки противника, швыряя его на пол и колошматя о стены. В сравнении с бузотерами коменданты и медперсонал двигаются словно сомнамбулы и больше мешают друг другу, нежели подавляют бунт. Силы деморализованных солдат и медбратьев тают на глазах, а кое-кто из них так и вовсе повернулся спиной к врагу и ломится сейчас в закрытые ворота, что ограждают «зоопарк» от общего стационара. Но охрана по ту сторону ворот и не думает открывать их, очевидно, стремясь не допустить, чтобы беспорядки выплеснулись за пределы изолятора. А тем более беспорядки, перешедшие в кровавую баню.

Однако какую бы отличную боевую подготовку ни прошли безумцы, каждый из которых одним махом семерых убивахом, сомнительно, что их обучили выдерживать удары шокера, к тому же множественные. Коменданты и медбратья жалят противника электрическими дубинками и стреляют по нему из шоковых пистолетов, а тому хоть бы хны. Я на месте этих буянов отрубился бы после первого же полученного электроразряда. Они претерпели их не меньше дюжины на брата, но впечатление такое, будто электричество не вредит, а, наоборот, лишь придает им силы. Как говорится, невероятно, но факт.

И второе престранное обстоятельство, которое, кроме неистребимости «великолепной семерки», привлекает мое внимание: бузотеры не издают криков. Психопаты сворачивают противникам шеи, ломают конечности, расшибают головы жертв о стены и при этом остаются совершенно невозмутимыми. Лица орудующих голыми руками убийц напоминают гипсовые маски, сохраняющие бесстрастность, даже когда электрошокеры жалят безумцев в щеки или лбы. Единственное, что отличает их от ходячих мертвецов, это глаза. Пронзительные немигающие взгляды вояк светятся жизнью, и пялящийся на меня через стекло громила явно отдает себе отчет в своих действиях. Полные психи, которые глядят на мир осмысленно и хладнокровно, – ну чем не парадокс? И это пугает еще больше, чем впади они в слепую ярость, как любой другой вступивший в смертельный бой человек.

– Господи боже мой! – восклицаю я при виде разразившейся в «зоопарке» вакханалии. – Да что за бедлам, мать его, здесь творится?

– Дерьмо творится, брат, – отзывается Скептик. – Будь мы на свободе, я бы настоятельно советовал тебе рвать когти. Но раз уж по твоей милости мы сидим тут, значит, готовься помахать кулаками. Сдается мне, твоя рожа сильно не нравится этому ублюдку. По-моему, ему без разницы, кому оторвать голову, – главное, было бы что отрывать.

Хоть Скептик глядит на мир моими глазами, он способен сохранять присутствие духа в любой, даже откровенно проигрышной ситуации. Чего нельзя сказать обо мне. В какую бы переделку мы с братцем ни попали, получать синяки, шишки и прочие травмы – исключительно моя прерогатива. Или, если угодно, обратная сторона того факта, что тело Тихона Рокотова принадлежит все-таки мне – Тихону Рокотову, а не моему брату-близнецу. Который умер во младенчестве, но удивительным образом воскрес в образе ментального паразита, живущего у меня в голове с тех самых пор, как я себя помню. Разумный мыслящий паразит,

обладающий, ко всему прочему, прескверным характером и непоколебимой уверенностью в том, что из нас двоих именно он, а не я, достоин владеть нашим телом. Не самый приятный близкий родственничек, но куда деваться? От родных братьев не отрекаются, а от таких, которые вдобавок повязаны с вами общим разумом, нельзя отречься в принципе. Да и привык я к Скептику за сорок лет нашего с ним ментального симбиоза.

Жаль только, не сумел доказать миру, что в моем случае раздвоение личности – не болезнь, а доброкачественная и во многом полезная аномалия. И чем сильнее я тщился кого-либо в этом убедить, тем больше укреплял свою репутацию сумасшедшего. Трагедия всей моей жизни: постоянно доказывать окружающим, что я не псих, и в лучшем случае получать в ответ лишь наигранное согласие с этим. То же согласие, с каким психиатры, дабы не нервировать пациента, доверительно признаются ему, что он – действительно Наполеон. Пройдет курс лечения – сам поймет, что не прав, а не поймет, так что с того? Значит, останется Наполеоном до конца своих дней. Правда, лишь в собственных больных фантазиях и тесном мирке клиники для душевнобольных...

Впрочем, речь сейчас не о моем прошлом, а о настоящем, которое имеет все шансы напрочь лишить меня будущего. Скептик вновь не ошибся. Моя рожа и впрямь не приглянулась стоящему за дверью громиле, хотя, казалось бы, я не представляю для него никакой угрозы. Продолжая пялиться на меня сквозь замызанное окошко, вояка резко, почти без замаха, лупит по нему кулаком. Запертая дверь содрогается, а на стекле возникают новые трещины. Я, конечно, готов к чему-то подобному, но все равно испуганно шарахаюсь назад. А псих решает не останавливаться на достигнутом и берется долбить по стеклу кулаками, как заведенный. С каждым его ударом паутина трещин на окне разрастается все больше, а само оно начинает понемногу деформироваться и выходить из пазов.

Если невосприимчивость вояк к электричеству и их лютая жестокость еще могут иметь разумное объяснение, то вышибание армированного стекла голыми руками уже не лезет ни в какие ворота. Сколь ни являются твердолобыми бойцы «Громового Кулака», вряд ли их собственные кулаки обладают крепостью пушечного ядра. Рвущийся ко мне в палату громиле должен переломать себе руки после первых же ударов. Но он наносит их не меньше двух дюжин, пока, наконец, окно не поддается и не выпадает из проема к моим ногам, поджилки на которых начинают дрожать, едва я понимаю, что вандал на этом явно не остановится.

Он достиг своей цели вообще без потерь – так, по крайней мере, кажется со стороны. Его кулаки размазали и стерли со стекла кровь убиенного медбрата, но не оставили взамен ни капли своей. Как такое возможно, уму непостижимо. Не веря своим глазам, я тупо таращусь на выбитое стекло (будучи армированным, оно не разлетелось на осколки, а выпало из проема целиком), но мигом прихожу в себя, получив предупреждение от бдительного братца.

– Назад, рохля! – Умей Скептик говорить моими устами, он выкрикнул бы этот приказ что есть мочи. Как адекватно назвать наше с братцем мысленное общение, я затрудняюсь сказать. Поэтому для пушечного удобства буду описывать его в виде обычного разговора. Тем более, что Скептик отнюдь не чужд эмоциям и способен выражать их не менее бурно, чем любой другой полноценный человек.

Толком не осознав, что случилось, я отскакиваю еще дальше, и не напрасно. Я спотыкаюсь, грохаюсь навзничь и зарабатываю совершенно незаслуженный электроудар, однако при этом успеваю заметить, как там, где мгновение назад маячила моя голова, смыкается цепкая пятерня психа. Сунув руку в окно, он собирается схватить меня за горло, но благодаря окрику Скептика я ухитряюсь не оставить свой кадык в пальцах врага.

– Идиот! – в сердцах восклицает братец. Упрек, разумеется, адресован мне, а не убийце, который, один черт, его бы не услышал. – А ну быстро соберись и думай, что делать! Не знаю, как ты, а я не хочу сегодня подыхать!

В этом плане наши со Скептиком желания полностью совпадают. Вскочив на ноги (пол при этом продолжает стегать мне пятки электричеством), я суматошно оглядываюсь, даже зная, что все мои поиски окажутся тщетными. Гораздо разумнее искать в темной комнате отсутствующую там черную кошку, нежели оружие в палате для буйнопомешанных. Или, на худой конец, то, что может сойти за оружие. Намертво приделанные к полу матрац, столик и стул – последние являют собой два разновеликих пробковых куба со сглаженными углами, – вот и вся скромная меблировка моего бокса. Плюс примитивный санузел в углу и умывальник с сушилкой для рук в узкой – едва пролезают руки, – стенной нише. По меркам «зоопарка» я живу прямо-таки в номере супер-люкс. Но это благодаря тому, что из всего здешнего контингента я – самый спокойный и не склонен к суициду.

Все буйства Тихона Рокотова начались и закончились в первую неделю моего заточения в клинику. И они не должны были повториться, как искренне надеялся я до этой минуты. Но рвущийся ко мне в бокс психопат оставляет все меньше надежд на то, что стычки с ним можно избежать. Не дотянувшись до моего горла, вояка отшагивает от двери, после чего подпрыгивает и что было духу бьет по ней ногой. И, не добившись сиюминутного результата, берется пинать пластиковую перегородку с той же одержимостью, с какой до этого лупил кулаками по стеклу.

– Хрен тебе! – злорадно кричу я, но голос мой все равно предательски дрожит. Разум подсказывает, что я могу быть спокоен насчет крепости двери, но интуиция – лучшая подруга Скептика – советует не обольщаться на сей счет. И пусть дверной запас прочности пока не исчерпан, натиск ломающего ее врага мало-помалу сводит этот потенциал на нет. А терпенье и труд, как гласит народная мудрость, рано или поздно все перетрут.

Отступив от входа, я перестаю видеть то, что творится в коридоре. Судя по звукам, доносящимся из выбитого оконца, битва завершилась полной победой психов. Их банда обретает в «зоопарке» безраздельную власть, едва обрывается вопль последнего охранника, разделившего участь остальных жертв. Возле заблокированного выхода из изолятора моргает красная тревожная лампа (сирены в сумасшедшем доме, ясное дело, нет – все ж таки здесь не тюрьма, а медицинское учреждение), а удары рвущегося ко мне громилы сопровождаются другим грохотом, похожим на далекую барабанную какофонию. Это взбудораженные побоищем, запертые в боксах пациенты, презрев электрические «щипки», неистово молотят кулаками по дверям. Тоже мне, нашли чему радоваться! Ну сумасшедшие, чего с них взять?

Иных звуков во взбунтовавшемся «зоопарке» не слышится, что опять-таки весьма неестественно. Победители не издают восторженных воплей, а побежденные не стонут от боли, поскольку, видимо, все до единого мертвы. Где-то за пределами изолятора наверняка разразился грандиозный переполох, но глухие ворота ограждают нас от всех посторонних шумов. Бессмысленный и беспощадный как любой другой бунт, этот был к тому же практически безмолвным. Что лишь подчеркивает его странный характер. А впрочем, такой ли уж странный, если учесть, где я торчу без малого три месяца?

Штурмующий мой бокс псих наносит очередной удар и останавливается, словно вдруг осознает всю тщетность своего занятия. Но не успеваю я возрадоваться этому, как понимаю, почему враг решил взять тайм-аут.

Громила отходит от двери, позволяя мне снова наблюдать за происходящим в «зоопарке». Видимый мне отсюда участок коридора невелик, но именно на нем и разворачиваются все ключевые события.

Каким образом бунтари общаются между собой, известно лишь им, но не с помощью азбуки глухонемых, это факт. Мой одержимый враг не подзывал приятелей ни словом, ни жестом, но тем не менее все они дружно собираются напротив моего бокса и пялятся на меня уже семью парами немигающих глаз. Ни дать ни взять, консилиум, решающий судьбу больного Рокотова:

«Что вы предлагаете, коллега? Пациента – прямиком в морг? Что ж, согласен, раз остальные коллеги не возражают. Увы и ах – совершенно безнадежный случай!»

Несмотря на то, что взоры участников «консилиума» по-прежнему бесстрастны и никто из них до сих пор не проронил ни слова, я твердо уверен в вердикте, который они вынесут. И потому не удивляюсь, когда мои ожидания оправдываются. И почему из всех пациентов «зоопарка» именно я достаиваюсь первостепенного внимания этих психопатов? Не попытайся один из них вырвать мне кадык, можно было бы предположить, что они хотят выпустить собрата по несчастью из заточения, дабы он примкнул к ним. Вот только, глядя на рвение, с каким бунтари вновь принимаются громить мою дверь, у меня и в мыслях не возникает желания радоваться грядущей свободе.

– Похоже, брат, хана нам пришла, – горестно молвит Скептик. – Ты и для одного из этих мордovorотов не соперник, а семеро из тебя такую веревку скрутят, что на ней даже бегемот повеситься сможет.

– Спасибо, братец, ты всегда знаешь, чем меня подбодрить! – огрызаюсь я, угрюмо наблюдая за врагами. Психи психами, а быстро смекают, как практичнее подойти к делу. Разбившись на две команды, дабы не толкаться всемером у входа, вояки берутся поочередно, группами, пинать двери бокса так, как морской прибой ударяет в мол – без усталости, волна за волной. Пока одна команда, расступившись, возвращается на исходную позицию, члены второй с короткого разбега синхронно набрасываются на преграду. После чего уже сами расступаются, давая дорогу вновь выстроившейся к атаке первой группе. Враги действуют на диво оперативно и слаженно, поэтому дверная перегородка под их напором трещит раз от разу все громче и громче.

Дружные наскоки психов на дверь походят на репетицию плясового ансамбля, оттачивающего групповой танцевальный элемент. Для полноты картины не хватает лишь бодрой музыки наподобие польки или канкана. Впрочем публика – наши с «танцорами» буйнопомешанные собратья, – все равно в восторге и выражает свою признательность, молотя в двери собственных боксов. И впрямь, когда еще в «зоопарке» случится подобное веселье! Ради такого зрелища можно даже стерпеть успокоительные электроразряды. Главное, не проморгать самое интересное, дабы было потом что вспоминать во время унылых изоляторных будней, вся культурная программа которых состоит из кормежек, периодических посещений под конвоем душевой да ежеутренних обходов врачей.

Единственный пациент «зоопарка», кому это шоу не доставляет радости, естественно, я. Но так или иначе, а отдавать себя на растерзание маньякам Тихон Рокотов не собирается. Пусть даже в последние полгода жизнь моя катилась под откос и дорожить ею сегодня было, в общем-то, глупо. Офицерская карьера, репутация, жена, которая сразу подала на развод, едва меня объявили сумасшедшим и отправили в психушку... И все из-за сделанной скрытой камерой видеозаписи, на которой я битый час бранюсь вслух со Скептиком и которая затем легла на стол моего командования в штабе Сибирского военного округа. После чего опытный полевой инженер-кибероператор, капитан Рокотов был немедленно отправлен в досрочную отставку по состоянию душевного здоровья.

Трагедия? Не то слово. Тотальный крах, или, если угодно, локальный Апокалипсис одной отдельно взятой жизни... Однако вот ведь парадокс: находясь в клинике, я не однажды помышлял о самоубийстве и зарекался, что, как только мне выпадет шанс свести счеты с жизнью, я непременно им воспользуюсь. И что в итоге? Шанс мне выпал лучше не пожелаешь, а я вдруг забываю про свою клятву и иду на попятный. Сдрейфил, одним словом. Оказывается, что жалкое существование, какое я ныне влачу, тоже обладает своими прелестями, променять которые на вечный покой в сырой земле не так-то легко.

Драться с семью громилами одновременно я не планирую, ибо в этом случае они живо помогут мне сдержать вышеупомянутую клятву. Все, что нужно, это не дать зажать себя в угол и не подставляться под удары. Иначе говоря, применить тот самый прием самообороны,

которым в той или иной степени владеет каждый из нас. То есть старый, как мир, но всегда эффективный метод борьбы с сильным противником – стремительное бегство.

Некогда гадать, поможет ли оно мне в заканчивающемся с обоих концов тупиками коридоре. Перво-наперво туда нужно попасть, а уже потом бегать наперегонки с убийцами. Не прошло и года, как я, уступая дорогу молодым спортсменам, отыграл свой прощальный матч за сборную Округа по футболу, поэтому еще помню технику прорыва обороны противника. Всего-то дел – бегать зигзагами и уворачиваться от тех, кто намеревается мне помешать. Правда, в такой агрессивной игре, что мне вот-вот предстоит, я еще участия не принимал. Ну да разве в данный момент это отговорка?

Через полторы минуты дверь под вражеским натиском поддается и с треском рушится. Тактика крепостного тарана, которую применили громилы, приносит закономерный результат. Пластиковая перегородка лопаается поперек и выпадает из косяков, а я теряю свою единственную защиту. Но не успевают обломки двери грохнуться на пол, а я уже мчусь к выходу, пытаюсь снова вжиться в шкуру форварда, идущего в атаку на ворота противника. Пусть без мяча и не по правилам, зато с искренним желанием прорваться к цели и завоевать победу. Которая кажется сейчас еще более недостижимой, чем шанс продуваемой с разгромным счетом команды отыграться за пять минут до финального свистка.

Когда я сталкиваюсь с противником, четверо из семи психопатов все еще перегораживают проход, а остальные у них за спинами готовятся к следующему удару. Поэтому, пока вояки не сунулись в бокс, я вырываюсь оттуда, будто выпущенная из клетки дикая птица. Шибанув с разгона плечом торчащего у меня на пути ублюдка, я сбиваю его с ног и прошмыгиваю в брешь, что образуется в неровном строю противника. А затем лихим финтом меняю направление бега, проношусь перед второй вражеской группой и во все лопатки мчусь прочь.

Реакция у парней, надо отдать им должное, отменная. Я проделал свой маневр без единой заминки, но вояки все-таки среагировали на него и чуть было не предотвратили мой прорыв. Прежде чем я убегаю от них, меня так или иначе пытается схватить каждый из психопатов, даже тот, которого я уронил на пол. Я терплю тычки в плечи и спину и чудом успеваю вырвать щиколотку из сомкнувшихся на ней вражеских пальцев. Что ж, пора проверить, каково оно, мое нынешнее счастье – мимолетное или Фортуна раздобрилась и предоставила мне в этой игре фору покрупнее.

Бежать я могу лишь в двух направлениях: к выходу из изолятора и противоположному – дальнему, – концу коридора. Пример несчастных медбратьев показателен: ломиться в запертые ворота и взывать о помощи столь же бессмысленно, как умолять о том же Небеса – все равно не ответят. Альтернативный путь спасения выглядит гораздо привлекательнее. И не только потому что он длиннее, а значит, дает больше пространства для маневров. Прежде всего мое внимание привлекает огромное, во всю стену, окно, находящееся в торце коридора и являющееся заодно пожарным выходом. За окном виднеется узенькая, обнесенная перилами площадка, а с нее, надо полагать, ведет вниз не заметная из здания лестница.

Мне – пациенту – невозможно открыть аварийный выход самостоятельно, равно как и выбить запечатывающую его прозрачную перегородку. Все, кто мог бы помочь сейчас моему горю, мертвы и их растерзанные тела устилают коридор, ставший похожим на поле средневековой сечи. Казалось бы, безнадежная ситуация, но я не отчаиваюсь и, более того, даже слегка воодушевляюсь.

На то имеется достаточно веская причина. Окно-выход сильно изменилось с тех пор, как я видел его в последний раз. Оно сплошь покрыто трещинами и чуть выдавлено наружу, а под ним лежат два окровавленных тела с переломанными конечностями и свернутыми набок шеями. Очевидно, именно эти тела, будучи брошенными с чудовищной силой, врезались в противоударное стекло и ослабили его в проеме. Хватит ли у меня сил разбежаться и протаранить плечом утративший прочность барьер? Выяснить это можно лишь экспериментальным

путем. Причем повторить сей головоломный в полном смысле слова эксперимент уже вряд ли повезет.

Наша короткая погоня по изолятору поневоле напомнила мне годы детства, когда я с друзьями вот так же, очертя голову, носился порой на переменах по школьным коридорам. Топот, гогот, азарт, щекочущий нервы страх перед строгими учителями и море незамутненной радости в душе. Прямо утро ностальгических воспоминаний, честное слово! Разве только от беготни босиком по залитому кровью полу мне вовсе не смешно, да и адреналина в крови бурлит на порядок больше.

Даже немой тургеневский Герасим, помнится, умел издавать примитивные мычащие звуки, а несущиеся за мной психопаты продолжают хранить гробовое молчание. Кроме бешеного топота семи пар босых ног, никаких больше звуков позади меня не раздается. Что за массовый душевный недуг поразил моих врагов-спецназовцев? Уж не угодили ли они невзначай под воздействие психотропного оружия? Каждый из этих парней по сути такой же, как я, военный инвалид, выпавший из седла в самый неподходящий момент жизни – когда ты еще физически здоров, полон сил и желаешь дослужиться до более высокого звания. Единственное наше отличие состоит в том, что я до недавнего времени умудрялся скрывать свое раздвоение личности и лишь по досадному недоразумению – читай, собственной безалаберности, – афишировал эту губительную для себя тайну. Можно еще поспорить, на самом ли деле капитан Рокотов – параноик или же он действительно являет собой уникальную личность, носителя двух полноценных независимых разумов. Увы, но умственное помешательство моих сегодняшних врагов и одновременно собратьев по несчастью не вызывает ни малейшего сомнения.

Я понятия не имею, чем завершится мой прыжок в окно и удастся ли мне удрать по пожарной лестнице, если затея выгорит. Мчась по коридору, я уверен, что успею прыгнуть – вояки тоже резво бегают, но в этой атлетической дисциплине я могу тягаться с ними почти на равных. Сосредоточившись на растрескавшемся стекле, я уже представляю, как оно захрустит под моим плечом, и готовлюсь к тому, что это может оказаться весьма болезненно. Как и спуск по крутой стремянке, на которой босиком и в спешке легко свернуть себе шею или сломать ногу. Но я тешусь мыслью, что у меня непременно все получится. Не может не получиться, ведь должна же, черт побери, быть на белом свете справедливость!

Мне остается пробежать до спасительного выхода всего ничего, когда вероломная Фортуна внезапно лишает меня своего покровительства. Причем в до обидного неподходящий момент. Нет, я не поскользнулся в луже крови и не запнулся за валяющийся на полу труп. В постигшей меня неудаче фактически нет ничьей вины. Даже устроивший мне такую подлянку дежурный общего стационара, и тот по-своему прав. Он всего лишь соблюдает инструкции, разве только вспомнил о них малость запоздало и крайне несвоевременно.

То, что фриз-комбинезоны бунтарей почему-то не функционируют, и ежу понятно. Вряд ли коменданты и медбратья кинулись бы врукопашную, не испробовав сначала все дежурные методы подавления беспорядка. Глядя на неукротимых громил, я решил было, что и мы – запертые по палатам пациенты, – тоже можем больше не бояться своих «смирительных рубашек». Однако думать так – большое заблуждение. Когда охрана за воротами «зоопарка» поняла, что северное крыло клиники перешло под власть психопатов, дежурный на главном пульте без раздумий обездвиживает на сей раз всех без исключения обитателей изолятора. И сразу же выясняется, кто по-прежнему подвержен усмирению, а для кого этих мер, к сожалению, недостаточно.

Я, как нетрудно догадаться, принадлежу к категории неудачников. Внезапно включившийся фриз-режим комбинезона стреноживает меня прямо на ходу, отчего я как бегу, так и падаю ниц. После чего достигаю-таки вожделенной цели, жаль только, не вольным беглецом, а беспомощным паралитиком. Сейчас я могу лишь вращать головой, да и то с большим трудом, поскольку, споткнувшись, треснул ее о то самое стекло, которое планировал выбивать

плечом. Разница между мечтой и реальностью, разумеется, очень чувствительна. Ну а результат можно описать в двух словах: полный провал. Впрочем, даже умудрись я вышибить окно головой, толку от этого все равно не было бы.

Нервы мои после такого фиаско сдают окончательно, и я разражаюсь потоком грязной брани. Который лишь усилился, когда преследователи как ни в чем не бывало подбегают ко мне и, обступив полукругом, явно собираются втоптать меня в пол. Гвалт в изоляторе стихает. Нет, зрители вовсе не затаили дыхание в предвкушении расправы громил над очередной жертвой. Просто все обитатели боксов валяются сейчас на полу подобно мне, обездвиженные и оторванные от «экранов» на самом интересном месте этого реалити-шоу. И поделом! Все не так обидно подышать, зная, что не ты один испытываешь в этот миг злобу и разочарование.

Я прекращаю браниться и раздосадованно сплевываю кровь на босую ступню ближайшего врага (при ударе головой о стекло меня угораздило еще и прикусить язык). Будь этот спецназовец нормален, он вмиг размазал бы пинком мой плевок по моей же физиономии. Но громил игнорирует оскорбление, продолжая вместе с приятелями пялиться на меня сверху вниз все теми же ледяными, но на диво осмысленными глазами.

Как долго палачи еще промешкали бы? Сие так и осталось тайной, потому что удача вновь поворачивается ко мне лицом. За что я мысленно воздаю хвалу Всевышнему, ибо, поставив на кон мою жизнь, он все же сумел собрать затем выигрышный расклад карт.

Хотя, сказать по правде, благодарить за спасение следует не Господа, а генерал-майора Александра Верниковского, чьи солдаты, как оказалось, дежурили во дворе клиники именно на случай подобного обострения ситуации. Бравые орлы из антикризисной бригады Округа (в нее также входил и «Громовой Кулак») прибыли на место происшествия так быстро, как только смогли. И каждый из них держит в руках оружие, причем заряженное не травматическими, а боевыми патронами. Из чего следует, что легендарный комбриг не питал надежд захватить обезумевших спецназовцев живыми, так как совершенно точно знал, насколько они опасны. А, стало быть, прецедент подобного психоза где-то уже имел место.

Сколько же любопытных событий, оказывается, пропустил Тихон Рокотов, просидев три месяца в информационном вакууме, – одном из неизменных терапевтических средств для душевнобольных!

Автоматические створы ворот еще полностью не раздвинулись, а рассредоточившиеся за ними солдаты уже замечают в коридоре противника и открывают огонь на поражение. Дежурный наверняка ввел их в курс дела, поэтому верниковцы пришли в изолятор во всеоружии. Они не собираются пополнять собой список жертв инцидента – бойцы Верниковского планируют решительно пресечь его, ради чего идут на самые радикальные меры.

Стой я сейчас на ногах, непременно разделит бы участь своих несостоявшихся палачей. Их работу dokonчили бы спасители, на которых за пару-тройку нечаянно пристреленных простых психов даже взыскание не наложат. Невинные жертвы – неотъемлемый атрибут любых кровавых бунтов и мятежей. К счастью, я в момент штурма валяюсь бревном на полу, а верниковцы оказываются хорошими стрелками, предпочитающими шквальному огню стрельбу короткими прицельными очередями.

Мне вновь доводится узреть невероятное. Каждого из столпившихся надо мной громил на моих глазах пронзает десяток пуль. Но вместо того, чтобы умереть, психопаты дружно разворачиваются и, ни на йоту не изменившись в лице, бросаются на солдат. Те же не прекращают огонь, потчуют свинцовыми пилюлями буйных пациентов, на которых не действует даже многократная доза этого сверхмощного «транквилизатора».

Но всему на свете есть предел, и, сколь бы живучими ни являлись бунтари, двигаться с перебитыми конечностями они попросту не могут. А чтобы окончательно урезонить маньяков, бойцы Верниковского вынуждены начисто отстрелить им головы. Именно отстрелить, а не выпустить в лоб каждого психопата по пуле, потому что с одной пулей в голове те еще вполне

живучи и боеспособны. И лишь когда в заваленном трупами «зоопарке» умолкает последняя очередь, короткий, но, бесспорно, самый кровопролитный в истории этой клиники бунт окончательно подавлен.

Однако чудеса на сегодня еще не заканчиваются. Разделавшись с бузотерами, верниковцы неожиданно и поспешно отступают из коридора, словно вдруг обнаруживают в нем взрывное устройство. Выбежав за ворота, солдаты не закрывают их, а рассредоточиваются и не мешкая высылают в «зоопарк» кибернетический колесный модуль.

Будучи по профессии военным инженером-кибероператором, я сразу узнаю въехавший в коридор «Хомяк» – минитранспортер, предназначенный для доставки на огневые позиции боеприпасов, провизии и медикаментов. Управляющий кибермодулем, невидимый мне оператор водрузил на маленькую грузовую площадку «Хомяка» странное устройство. Оно походит на черный кубический сабвуфер, у которого вместо динамика торчит из корпуса раструб геликона – басового духового инструмента. Только не медного, а изготовленного, как кажется изда-лека, из белого матового стекла. О назначении сего агрегата я могу лишь догадываться. Как армейский специалист, я знаком со множеством непонятных простому смертному устройств, но этот прибор вижу впервые.

Глядя на лавирующий промеж трупов кибермодуль, я чуть было не проворонил другое, не столь заметное, но гораздо более любопытное явление. Все психопаты пали от пуль примерно на середине коридора и теперь лежат вповалку поверх остальных мертвых тел. После пережитого удара головой взор мой рассеян, поэтому я не сразу замечаю, как над трупами бунтарей поднимаются облачка плотного белесого тумана – как, если бы каждый из мертвецов только что выпал из раскаленной парилки, а в изоляторе трещал лютый мороз. Никакой парилки, естественно, не было, пускай на дворе действительно стоит январь. Природа этих испарений для меня столь же загадочна, как предназначение установленного на «Хомяка» устройства. Но, даже пребывая в легкой контузии, которая плохо влияет на соображение, я начинаю подозревать, что между туманом и черным кубом существует некая взаимосвязь.

Внезапно семь небольших облачков сливаются в одно, которое затем быстро плывет по воздуху в мою сторону. Еще толком не придя в себя, я вновь начинаю не на шутку нервничать. И готов был бы броситься наутек, кабы не мой одеревеневший фриз-комбинезон. Двигающийся туман ведет себя словно разумное существо, и я бы не удивился, окажись это действительно так. Слава богу, страх мой не перерастает в панику и не позволяет уронить лицо перед наблюдающими за мной верниковцами. Да и неизвестно точно, летит облако по мою душу или направляется к окну в поисках выхода на улицу. А может статься, призрак вообще привиделся мне от волнения и головокружения, и никаких облаков тут в помине нет.

Белесое нечто подлетает ближе и замирает в шаге от меня. Нет, похоже, оно все-таки не видение. Бесформенная муть выглядит вполне осязаемо, и, кабы не фриз-комбинезон, я без труда дотронулся бы до призрака рукой. Как, впрочем, и он может прикоснуться ко мне, но по известной лишь ему причине не желает этого делать. Просто болтается передо мной в воздухе подобно густому облаку табачного дыма и мешает рассмотреть, что замышляют солдаты в другом конце коридора.

Наше противостояние с газообразной аномалией длится около минуты, пока воздух в изоляторе вдруг не начинает дрожать и не становится вязким, как кисель. Фриз-комбинезон ни в коей мере не стесняет дыхание, и мне чудится, что вместо воздуха я дышу тягучим обжигающим раствором. Который при этом – что удивительно – не вызывает кашель, вливаясь мне в легкие столь естественно, будто они и впрямь предназначены для таких «промываний».

Все вокруг подернуто маревом, кроме туманного облака. Оно остается единственным четким объектом в коридоре. Возникает ощущение, будто загадочная сила, которая беззвучно сотрясает и раскаляет воздух в изоляторе, не обладает властью над белесым призраком.

Но не тут-то было! Через несколько мгновений облако принимается поначалу медленно, а затем все быстрее и быстрее двигаться в обратном направлении. Из бесформенного сгустка оно вытягивается в длинную вращающуюся воронку, похожую на развернутый горизонтально маленький смерч. Дальний, тонкий его конец втягивался в раструб черного куба, а сам миниатюрный торнадо растягивается до середины коридора.

С каждой секундой скрученное в жгут облако укорачивается, пока наконец полностью не исчезает внутри загадочного куба. После чего мир возвращается на круги своя, а воздух в изоляторе опять становится прозрачным, легким и остывает до нормальной температуры.

А я не свожу глаз с аппарата, доставленного в «зоопарк» бойцами комбрига Верниковского. Облако улетучилось бесследно, сгинув в черном кубе, ставшем для него не то ловушкой, не то утилизатором.

Едва все утихомирилось, как солдаты на сей раз без опаски вступают в изолятор, а уже за ними идут врачи, медбратья и прочий персонал клиники. Всем им еще только предстоит разгрести весь этот бардак – работа нудная и, учитывая количество жертв инцидента, чреватая долгими служебными разбирательствами и головомойками. Меня – единственного выжившего из всех, кто лежит на коридорном полу, – переводят в новую палату и накачивают успокоительным. Поэтому спустя четверть часа я уже сплю как младенец, оставив размышления о пережитых приключениях на долю вечно бодрствующего Скептика. В благодарность за то, что я не сдержал клятву и не дал себя прикончить, этот брюзга притих и разрешил мне спокойно выспаться. Что ни говори, а иногда зловредный братец может снизить до благородства и проявить ко мне, ничтожному, чуткость. Редкая, но всегда уместная чуткость – этого у Скептика и впрямь не отнять.

Ни я, ни он еще не подозреваем, что спустя всего двенадцать часов наша жизнь вновь круто изменится. И причиной грядущих перемен по странной иронии судьбы опять станет видеозапись. Сделанная сегодня охранными камерами изолятора, она попадет в руки самого генерал-майора Верниковского, у которого списанный в отставку капитан Рокотов сразу вызовет повышенный интерес. Настолько повышенный, что у меня помимо ответного любопытства противно заносит под ложечкой от нехороших предчувствий. Даже в прежние времена я не удостоивался персонального внимания такого высокопоставленного офицера, как командир антикризисной бригады Округа, а ныне об этом и подавно не приходилось мечтать. Отсюда и беспокойство. И, как вскоре выяснится, не напрасное...

## Глава 2

Водитель генеральской «Волги-Афины» – угрюмый сержант-контрактник – и призванный сопровождать меня в штаб бригады молодой круглолицый лейтенант Кирзухин оказываются крайне немногословными. Почти как те психопаты, что вчера едва не загнали меня до срока в гроб. И все мои попытки разговорить бывших собратьев-военных не приносят успеха.

– Извините, товарищ капитан, – не оборачиваясь, оправдывается Кирзухин с переднего пассажирского сиденья. Водитель, так тот и вовсе молчит как рыба. – Мне приказано не обсуждать с вами никаких вопросов. Ни служебных, ни остальных. Мое дело – доставить вас в штаб и только. Извините.

– Да черт с ними, с вопросами, – не унимаюсь я. – Ну а последние новости вы мне можете рассказать? Хотя бы вкратце. Обычные новости! Они-то, полагаю, не засекречены. Что там насчет Третьего Кризиса? Есть какой-нибудь просвет или все по-прежнему хреново?

– Извините, товарищ капитан, ничем не могу помочь, – долдонит как автоответчик Кирзухин. – Приедем в штаб, там обо всем узнаете. Мне приказано ничего с вами не обсуждать...

Мерзавец! То-то небось растреплет вечером жене, куда ему пришлось сегодня мотаться в командировку и кого везти потом на встречу с комбригом! Поди не каждый день тот принимает у себя чокнутых капитанов, доставленных напрямик из психушки.

Посыльный от Верниковского привез в клинику мой парадный мундир со всеми регалиями, чем немало меня удивил. Каким образом Кирзухин его раздобыл, ума не приложу, и на вопросы лейтенант упрямо не отвечает. А я-то не сомневался, что моя бывшая супруга давно избавилась от всех моих вещей, ведь ей наверняка сообщили, что после совершенных мной в клинике подвигов скорая выписка Тихону однозначно не светит. Однако приятно, когда твои худшие прогнозы не оправдываются. Особенно те прогнозы, которые делались в отношении некогда близкого тебе человека...

Возвращение мне неотъемлемых атрибутов прошлого может считаться хорошим предзнаменованием. Равно как и отсутствие приглядывающего за мной санитаря. Надумай Верниковский задать мне всего-навсего ряд каких-либо вопросов, разве послал бы он адъютанта к моей благоверной за мундиром и освободил меня из-под врачебного надзора?

Снова облачившись в форму капитана инженерно-кибернетических войск, я вмиг ощущаю себя прежним Тихоном Рокотовым и, честное слово, молодое лет на десять. Братец-Скептик тут же сыплет по этому поводу ехидными комментариями. В отличие от меня он в преддверии встречи с генералом настроен пессимистически, так как не ждет от нее ничего хорошего. Я оставляю брюзжание Скептика без ответа. Поживем – увидим. Все равно бессмысленно гадать, во благо нам или нет такие жизненные перемены.

Старинная психиатрическая клиника, в которой меня содержат, располагается в поселке Карпысак – живописном местечке примерно в восьмидесяти километрах от Новосибирска, города, где я родился и прослужил практически весь свой срок. На путь от Карпысака до штаба антикризисной бригады, находящегося почти в самом центре города, нам предстоит потратить от силы сорок минут. Большую часть этого расстояния следует двигаться по загородным шоссе: сначала по Новокузнецкому, а затем по Гусинобродскому.

Однако мои сопровождающие не желают придерживаться самого практичного из всех доступных нам маршрутов. Вместо того, чтобы свернуть на мост через впадающую в Обь неширокую реку Иня и продолжить путь в Новосибирск, водитель съезжает с шоссе на обычную дорогу, ведущую в противоположном направлении – через пригородные дачные поселки, к райцентру Бердску. Такой путь к штабу бригады лишь с большой натяжкой можно назвать окружным. Что за служебные нужды гонят Кирзухина в те края, он мне не докладывает, а я его больше ни о чем не спрашиваю. Да пусть хоть сутки напролет катает меня по пригороду!

После трех месяцев строгой изоляции от мира я радуюсь каждому мгновению, проведенному за стенами клиники в статусе свободного человека. Ну или наполовину свободного. Вряд ли мне удастся просто так отвязаться от своих спутников, пусть те старательно делают вид, будто везут к комбригу не психа, а обычного отставного офицера.

Еще при движении по Новокузнецкому шоссе, до поворота на Бердск, я обратил внимание, что оно, судя по всему, закрыто. Прежде оживленное, ныне шоссе выглядит непривычно пустынным. За время пути нам встретились лишь три гражданские легковушки. Да и те скопились перед закрытым шлагбаумом на посту автоинспекции, где, согласно кризисным законам, сегодня несут службу военные коменданты. Нас они пропускают без проблем, а вот прочих задержанных пропускать категорически отказываются. Далее мы минуем еще три аналогичных поста, но возле них стоят сплошь армейские грузовики и внедорожники. Только они, а также легкая бронетехника курсируют теперь по трассе в Новосибирск и обратно. Плюс вертолеты, что барражируют над дорогой и прилегающей к ней территорией.

Ничего удивительного в увиденной мной на подъезде к пригороду картине нет. Россия, подобно остальному миру, охвачена Третьим Кризисом. И если главный военный комендант Новосибирска приказал закрыть одно из ведущих к нему крупнейших шоссе, значит, на то имеются веские причины. Возможно, город захлестнула новая волна бесчинств макларенов – самоубийц, что сводят счеты с жизнью, разгоняясь на автомобиле до безумной скорости и врезаюсь в препятствия. Как правило, эти камикадзе любят, что называется, уйти красиво и таранят не столбы и стены домов, а встречный автотранспорт. Или же члены секты Жертвенных Агнцев задумали провести очередной крестный ход, двигаясь по дороге в веригах, без пищи и воды до тех пор, пока последний из участников этой громкой акции не падет от истощения. Сектанты могут осуществить попытку массового суицида где угодно, но подобные шоссе им нравятся особо. Блокирование агнцами крупной автомагистрали вызовет дополнительный ажиотаж и привлечет к ним еще большее внимание.

Много чего могло стрястись в городе, пока я отсутствовал. Когда на дворе опять смута, нельзя предсказать, какие неприятности разразятся рядом с тобой даже через минуту. История предыдущих Кризисов учит, что единственное средство борьбы с ними – позволить угрозе самой сойти на нет с течением времени. Чем больше суетятся государственные органы, пытаясь навести порядок решительными мерами, тем больше усугубляется ситуация. Естественно, пускать ее на самотек никто не станет, а иначе результат будет еще хуже. Но и чересчур усердствовать, стараясь любой ценой сохранить жизнь очередным макларенам или агнцам, власти по прошествии двух Кризисов больше не намерены.

Главное отличие Третьего Кризиса от остальных заключается в том, что теперь государство направляет все силы на обеспечение безопасности тех граждан, которые могут пострадать от выходов всевозможных психопатов и самоубийц. В охваченном массовой истерией мире нормальные трезвомыслящие люди не желают рисковать своими жизнями ради безумцев, которых уже бесполезно отговаривать от суицида. Циничная, но, увы, единственно рациональная политика выживания для повергнутого в Третий Кризис человечества...

Я и мой брат появились на свет сразу после первой кризисной пятилетки, в две тысячи восемьдесят пятом – году, когда рождаемость в мире худо-бедно вновь начала повышаться. Рождение двойни – редкое явление для мира, где далеко не каждая семья соглашается завести даже одного ребенка. К несчастью, наш феномен был омрачен трагедией: мы с братом оказались цефалопагами – сиаемскими близнецами, сросшимися головами в области затылков. Еще в начале двадцать первого века мы были бы обречены на смерть, но во второй его половине медицина уже обладала кое-каким опытом спасения таких безнадежных младенцев, как мы. Хирургическая операция на нашем сросшемся мозге продолжалась семьдесят один час, однако к финалу ее стало понятно, что только один из нас выживет. Этим везунчиком оказался я. Но

кто бы мог тогда подумать, что смерть брата обернется в итоге для нас обоих таким невероятным образом!

Второй Кризис, поразивший человечество на очередном рубеже веков, продолжался уже не пять, а семь лет. По количеству произошедших за этот срок самоубийств он сравнялся с настоящей мировой войной, охватившей все без исключения страны и континенты. Шестисот с половиной миллионов официально подтвержденных смертей от суицида! В четыре раза больше, чем при Первом Кризисе. И в обоих случаях ученые сбились с ног, стараясь обнаружить корень этой глобальной пандемии. И вновь приходили к выводу, что каких-либо объективных причин для нее попросту нет.

Две кризисных волны прокатились по планете тогда, когда всемирный бум перехода на водородное топливо давно миновал, а вызванные им финансовые катаклизмы и локальные военные конфликты прекратились. Почти всю вторую половину двадцать первого столетия человечество переживало невиданный доселе экономический и промышленный подъем. Прогрессивные кибернетические технологии донельзя упростили добычу полезных ископаемых и позволили брать их из океанского дна независимо от глубины. Даже многие доселе беспокойные страны Африки и Юго-восточной Азии, пожалуй, впервые в своей истории ощутили на себе все прелести стабильной жизни без войн и политических переворотов.

Ученый мир планеты, процент смертности среди коего от суицида, надо отметить, держался одним из самых высоких, изучил сотни тысяч оставленных самоубийцами прощальных записок. Не меньше было выслушано признаний от тех, кто вознамерился наложить на себя руки, но по той или иной причине сумел выжить. В девяноста пяти случаях из ста результаты сводились к следующему: однажды ни с того ни с сего на будущего самоубийцу вдруг накатывала тяжкая моральная усталость. Он в одночасье терял смысл дальнейшей жизни и не видел иного выхода, кроме как покинуть сей бранный мир. Еще вчера эти люди зарабатывали хорошие деньги, праздновали семейные торжества и играли с детьми, а сегодня совали голову в петлю, резали вены, сигали с мостов или становились макларенами. И не было бы в этой, казалось, банальной ситуации ничего сверхъестественного, не принимай она в годы Кризисов столь чудовищный и беспричинный размах.

Жертвами суицидальной пандемии становились даже такие видные личности, как президенты государств и деятели мировой культуры. Но все эти трагические инциденты затмил прыжок папы римского Урбана IX с балкона собора Святого Петра в Ватикане. Вопиющий случай, который заставил содрогнуться от ужаса верующих всего мира, невзирая на их религию. И хуже того – это породило среди них такую волну самоубийств, что многие ученые по сей день убеждены: Второй Кризис продлился дольше Первого исключительно по этой причине. Поговаривали также о некоем исповедальном предсмертном письме папы, где он разоблачал чуть ли не все главные тайны Церкви со дня ее основания. Доказательств, естественно, как всегда никто не предъявил. Но даже если понтифик-самоубийца действительно написал сей разоблачительный пасквиль, надо полагать, во избежание вселенского скандала это письмо было уничтожено сразу же после гибели Урбана IX.

Мои родители без особых проблем выдержали Первый Кризис, но, к моему великому прискорбию, не пережили следующий. Мать и отец примкнули к одной из религиозных сект, члены которой исповедовали самосожжение как наиболеестройший путь в Рай, минуя Чистилище. И вскоре осуществили задуманное вместе с двумя сотнями своих духовных сподвижников. Я в тот год как раз получил лейтенантские погоны вкуже с дипломом инженера-кибероператора и считался лучшим курсантом среди своего выпуска. Второй Кризис был в самом разгаре и армия нуждалась в офицерском пополнении, поскольку бушующие на «гражданке» страсти не обошли стороной и ее. Из-за постоянной нехватки кадров моя едва стартовавшая карьера быстро укрепилась и пошла в гору. Затем наступили спокойные времена, закономерный в связи с этим карьерный застой, безуспешная попытка создать полноценную семью и

успешная – скрыть от всех мою страшную тайну, брата-Скептика. А потом грянул Третий Кризис. В теории он мог бы способствовать моей дальнейшей карьере, а на деле обернулся ее полным крахом и помещением Тихона Рокотова в психушку.

Третий Кризис...

За полтора десятилетия человечество толком не оправилось от Второго, а тут новый удар, да еще такой разрушительной силы. Четыре года миновало с той поры, как на нас обрушилась третья волна самоубийств, а число ее жертв в мире вскоре достигнет миллиарда. Российская армия практически полностью слилась с милицией, а страна хоть и продолжает еще жить по демократическим принципам – по крайней мере, формально, – скоро того и гляди последует примеру многих латиноамериканских стран с их новой политической системой ВАД – Временной Антикризисной Диктатуры. Согласно статистике, после введения ВАД количество суицидов в тех странах сократилось наполовину. Настораживает одно: насколько вообще можно доверять информации, поступающей от диктаторов, пусть даже назначенных парламентским путем и давших клятву на Конституции не нарушать действующие в стране основополагающие права и законы...

Итак, наша «Волга-Афина» свернула с Новокузнецкой трассы и, минуя дачные поселки, двинула в сторону Бердска – ближайшего к Новосибирску райцентра, расположенного в месте слияния реки Берди с Новосибирским водохранилищем.

Я не знаю, направляемся мы в сам Бердск или же на его окраину. Но в любом случае признателен Кирзухину за эту неожиданную прогулку – приятное дополнение к моей грядущей беседе с комбригом Верниковским. Жаль только, метаморфозы, которым подвергся знакомый мне пригород Новосибирска, навевают не радость, а уныние.

Зима – не дачный сезон, и потому я не удивлен отсутствию в этих местах обычного летнего многолюдья. Но, вопреки ожиданиям, вокруг царят нехарактерные суета и оживление. Впрочем, в равной степени они были бы нехарактерны и для лета. Почти все встретившиеся нам поселки оккупированы подразделениями комендантов. Не сказать, чтобы солдаты на бронетехнике кишели повсюду словно мухи, но, как минимум, по одному мотострелковому взводу в каждом поселке стоит. И опять-таки никаких признаков присутствия здесь гражданских.

Закрытая трасса и патрули – еще куда ни шло, а вот плотная концентрация войск в районе Обской ГЭС мне не нравится гораздо сильнее. Отстроенная в середине двадцатого века, пережившая не одну реставрацию плотина располагается ниже Бердска, но выше Новосибирска. Поэтому, в случае вероятной войны, например, с Китаем она может стать весьма лакомой целью для вражеских ракет и бомбардировщиков. После чего изрядная часть областного центра будет затоплена водами прорвавшегося через разрушенную дамбу Обского моря – так горделиво уже без малого два века называется у нас Новосибирское водохранилище. Что может угрожать плотине в смутные времена Третьего Кризиса, раз на ее оцепление брошено столько войск? Если из всех замеченных мной в пути деталей попробовать сложить целостную картину, выходит, что на блокирование ГЭС брошена чуть ли не вся бригада Верниковского. Возможно, он тоже находится где-то поблизости, хотя Кирзухин не однажды упомянул о том, что мы едем именно в бригадный штаб. Или все в городе настолько хреново, что генерал-майор даже перенес свою ставку поближе к охраняемому его бойцами объекту?

Следующее невероятное открытие я делаю, когда мы добираемся до берега Берди. Благодаря тому, что она впадает в Обь выше плотины, устье этой речки является настоящим заливом (в таком статусе оно даже зафиксировано на картах) – этакий внушительный боковой придаток к водохранилищу. Не больно широкая у истоков, в устье Бердь превышает по ширине саму Обь – в смысле, такую Обь, какова она в черте Новосибирска и дальше по течению.

Поэтому представьте мое удивление, когда, выехав на берег Берди я вижу не просторную ледяную гладь, а котловину с пологими склонами, на дне которой течет неширокая и замерзшая речка. Вековые сосны и плакучие ивы, которые раньше отражались в зеркале залива, теперь

торчат на краях котловины, вдали от воды. Их обледенелые корни выступают из заметных сугробами берегов, будто скелеты доисторических рыб, прежде скрытые под водной толщей. Повсюду на продуваемом ветром, оголившемся дне виднеются черные, похожие на гигантских пауков коряги и остовы затонувших лодок, скопившиеся там за два последних столетия. Снежный покров скрывает истинный лик обмелевшего устья и потому можно лишь догадываться, как оно будет выглядеть, когда снег растает. Маловероятно, что даже в весеннее половодье Бердь разольется в своих прежних границах. Если, конечно, обмеление Обского моря не вызвано временным сбросом воды на ГЭС. И произошло это, как нетрудно догадаться, осенью, когда водохранилище еще не сковал лед. Иначе, помимо снега, в котловине повсюду громоздились бы торосы.

– Что здесь стряслось? Неужто кто-то взорвал плотину? Что стало с городом? – не выдерживаю я. Догадка о том, что двухсоткилометровое водохранилище спущено обычным технологическим путем, такому пессимисту, как я, может прийти на ум лишь в последнюю очередь.

Лейтенант недовольно морщится и молчит, на сей раз воздержавшись даже от дежурных отговорок.

– Послушайте, Кирзухин! – Я упрям и решаю нажать на посыльного безотказным, хотя и не вполне честным приемом. – Вам не кажется, что вы слишком рискуете, демонстрируя подобные ужасы пациенту психиатрической клиники? А если от всего увиденного здесь, на берегу, у меня случится нервный срыв? Не думаю, что генерал-майор Верниковский обрадуется, когда вы доставите к нему невменяемого офицера.

Посыльный комбрига ерзает, потом отворачивается к окну, хмурится и беззвучно ругается одними губами. Как ни старается он скрыть раздражение, его лицо отражается в стекле дверцы и видно мне с заднего сиденья.

– Однако вы можете оградить меня от рецидива, если хотя бы в двух словах обрисуете, что, черт подери, творится в городе! – предлагаю я компромиссный выход из положения.

– Вы что, товарищ капитан, действительно ни о чем не знаете? – спрашивает лейтенант, покосившись на невозмутимого водителя.

– Я смотрел последние теленовости три месяца назад, в начале сентября, – честно признаюсь я. – А единственные посетители, что меня навещали, были кадровики из штаба Округа, которые готовили документы для моей отставки по состоянию здоровья. Обсуждать со мной другие вопросы им, сами понимаете, было запрещено. Естественно, Кирзухин, что вы тоже получили такой приказ, поэтому я не прошу вас о многом. Только о самой малости, чтобы успокоить мои расшатанные нервы.

– Наш разговор останется между нами? – на всякий случай осведомляется лейтенант.

– Само собой, – заверяю я заложника служебного долга. – Можете спать спокойно – я вас не выдам.

Кирзухин снова смотрит на сержанта, но, похоже, тот вызывает у него доверие. В противном случае посыльный остался бы непреклонен к моим просьбам, во что бы его упорство в итоге не вылилось. Клятва же психа – то есть меня, – лейтенанта явно не обнадеживает. И потому прежде чем снова открыть рот, он полминуты обдумывает, что мне рассказать, а о чем от греха подальше умолчать.

– Плотину никто не взрывал, – признается наконец Кирзухин, нервозно барабанив пальцами по крышке бардачка. – Она обрушилась после того, как э-э-э... Вы помните землетрясение, что случилось в первых числах октября? Должны помнить, раз его толчки ощущались даже в Омске и Красноярске.

– Разумеется, помню, – киваю я, восстанавливая в памяти день, когда стены карантинного бокса внезапно заходили ходуном, а пол начал стегать меня электричеством несмотря на то, что я вел себя тише воды ниже травы. Соседи по изолятору ударились в панику, но я почему-то отреагировал на катаклизм спокойно. «Баллов пять, от силы – шесть, – прикинул

я тогда, хоть и являюсь полным профаном в сейсмологии. – Поди, опять Алтай тряхануло, как в позапрошлом году». Врачи мигом напичкали нас снотворным и успокоили, что бояться совершенно нечего. Вскоре толчки действительно утихли и больше не повторялись. Однако медбратья ходили взволнованными аж две последующие недели. Они постоянно кучковались у поста дежурного и сдержанно, но с тревожным блеском в глазах обсуждали нечто явно животрепещущее и неприятное. Эти держиморды владели искусством лицемерия не так профессионально, как врачи-психиатры, поэтому я украдкой подолгу наблюдал за медбратьями, пытаюсь разобраться, о чем они там треплются. Сидя в звуконепроницаемом боксе, я впервые в жизни пожалел, что не умею читать по губам и в связи с этим лишен единственной возможности узнавать последние новости.

– Толчки произошли прямо под городом, – продолжает Кирзухин. – Довольно сильные толчки, но предупреждение о них поступило заблаговременно, так что девяносто процентов жителей было эвакуировано. Ваша жена в том числе. Когда плотину прорвало, Новосибирск был практически пуст. Как видите, вам не о чем волноваться... То есть кхм... я хотел сказать: почти не о чем. Теперь все в порядке.

– Ничего себе: «в порядке»! – ошарашенно присвистываю я. – Да я родился и всю жизнь прожил в Новосибирске!.. И сколько же человек погибло из тех, кто не успел эвакуироваться?

– Успеть-то, в принципе, могли все, вот только многие просто не захотели уезжать из города, – уточняет лейтенант. – Обычное дело: одни побоялись оставлять свои дома и магазины мародерам, другие понадеялись на авось... Естественно, без жертв не обошлось. – И без того неуверенный в себе посыльный вконец ступешался. – Без разрушений – тоже. Но ведь могло быть гораздо хуже, поверьте. Нам сильно повезло, что все обернулось именно так, а не иначе.

– Хорошенькое везение! – бормочу я, пытаюсь свыкнуться с шокирующей правдой. – Но почему дороги до сих пор закрыты и вокруг ГЭС оцепление стоит? Неужели за три месяца в городе не был наведен порядок?

– На этот вопрос, товарищ капитан, я ответить не могу, – категорично мотает головой Кирзухин. – При всем уважении, но я и так сказал вам намного больше, чем положено. Не дай бог, прознает Александр Игнатьевич, он тогда с меня семь шкур сдерет...

Направляемся мы, как выяснилось, все-таки в Бердск. Переехав замерзшую реку – бывший залив, – по наведенной военными переправе, наша «Волга-Афина» минует район, что некогда считался прибрежным, а ныне отстоит от Берди, как минимум, на километр. После чего водитель перевозит нас по тоннелю через железнодорожную насыпь, проезжает еще немного по городу и останавливается перед центральными воротами знаменитого на всю Сибирь стадиона «Авангард-2100».

Старинный, но полностью осовремененный, с наращенными по новым стандартам трибунами, стадион этот мне хорошо знаком. Не раз наша сборная СибВО по футболу проводила здесь матчи. И потому, покинув автомобиль вслед за сопровождающим, я невольно думаю, что возвращение мне мундира и грядущая беседа с Верниковским на «Авангарде-2100» как-то связаны с моим спортивным прошлым. И пусть догадка эта явно далека от истины, другой у меня пока нет. Чем черт не шутит, а вдруг в нашей команде стало настолько плохо с кадрами, что штаб Округа решил пойти на беспрецедентный шаг и вернуть в строй форварда-ветерана Рокотова. Плевать, что тот признан душевнобольным, – главное, помнит, как бить по мячу, и ладно...

Впрочем, услышанные мной от Кирзухина обрывочные новости и увиденная суровая реальность заставляют усомниться, что сегодня новосибирским военнослужащим вообще есть дело до спортивных соревнований и футбола в частности. На улицах Бердска также не наблюдается гражданского населения, хотя я не замечаю вокруг никаких разрушений. Тем не менее, по всем приметам, жители города были эвакуированы. На это указывает и характерная уборка улиц от снега. На них расчищена только проезжая часть, а на тротуарах громоздятся высочен-

ные сугробы. Разгребать их практичные военные и не планируют. Зачем? Непривередливая пехота вполне может довольствоваться той же дорогой, что и бронетехника.

Кирзухин препровождает меня через центральный проход под трибунами «Авангарда-2100» и выводит на футбольное поле. Которое, однако, и близко не напоминает то поле, какое я прежде знал. Сегодня оно заставлено множеством жилых модулей – сооруженных из трансформ-панелей угловатых домиков, предназначенных для быстрого развертывания военно-полевого лагеря. Модули, какие я вижу здесь, превосходят по комфортабельности типичные солдатские образцы. Даже не маячь над ними «бабочки» флай-кибернетических антенн, любой военный, в том числе и я, моментально определит, что перед ним – оперативный командный пункт, полностью автономный от внешних источников питания. А стадионные трибуны служат чем-то вроде крепостного вала, какими окружались в старину военные лагеря и прочие укрепленные поселения. Оборудованные на верхнем ярусе трибун огневые точки и натянутый над стадионом гигантский маскировочный экран свидетельствуют о том, что Верниковский устроил тут свой штаб не на день или два.

Проведя меня через внешние и внутренние охранные посты, Кирзухин кивает мне на скамью перед главным штабным модулем и велит подождать. А сам показывает свой пропускной ДНК-ключ декодеру системы безопасности и входит в открывшуюся затем тамбурную камеру. Пока же лейтенант докладывает комбригу о нашем прибытии, я остаюсь наедине с кибердневальным, чьи сенсоры вмиг идентифицируют мою личность: отправляют запрос в информбазу Округа и получают оттуда обо мне исчерпывающие данные.

Доклад Кирзухина длится недолго, и уже через пару минут я получаю приглашение к генерал-майору Верниковскому. Очевидно, тот придает нашей встрече особую важность, поскольку приказывает незамедлительно принять доставленного по его приказу отставного капитана. Комбриг встречает меня в своем кабинете, стоя перед окном и отрешенно наблюдая за тем, что творится на стадионе. Лицо у Александра Игнатьевича сосредоточенно, как у обдумывающего решающий ход шахматиста.

Во внешности сухопарого пятидесятилетнего комбрига нет даже намеков на приближающуюся старость. Он не поседел и вообще, кажется, не изменился с тех пор, как я видел его три года назад на каком-то показательном строевом смотре. Известного своей прямоотой и жесткостью Верниковского недолюбливают в штабе Округа, зато у служащих под командованием Александра Игнатьевича офицеров он пользуется большим и неизменным уважением. Он всегда спрашивает с подчиненных со всей присущей ему строгостью, но его требования, как правило, не идут вразрез со здравым смыслом и справедливостью. Это меня здорово обнадеживает. Для чего бы ни понадобился я комбригу, он будет моим ангелом-хранителем и не даст в обиду, если наша с ним затея встанет поперек горла кому-то из вышестоящих офицеров. А такое вполне может произойти: небось не всякий штабист одобрит призыв на службу отставника с моей медицинской картой.

Дождавшись, пока я закончу приветственный рапорт – отставка отставкой, а выданный мне мундир не позволяет отринуть субординацию и разговаривать с генералом как гражданское лицо, – Верниковский жмет мне руку и указывает на стул, а сам возвращается к окну и, повернувшись ко мне лицом, вежливо осведомляется:

– Хотите кофе, капитан?

– Спасибо, не откажусь, – удивленно отвечаю я, даже не припоминая, когда в последний раз мне доводилось пить кофе, не входящий в меню буйных психов. Неужто комбрига не проинструктировали о том, что поить меня крепкими и возбуждающими напитками категорически запрещено? Что-то не верится.

Отдав киберденщику соответствующее распоряжение, генерал смотрит на меня долгим испытующим взором, после чего наконец говорит:

– Я досконально изучил ваше служебное досье и историю болезни, капитан Рокотов. В последней вы представлены как типичная жертва Третьего Кризиса, не имеющая пока ярко выраженных суицидальных наклонностей. Ваш лечащий врач – весьма авторитетный психиатр, надо отметить, – опираясь на свой профессиональный опыт, уверял меня, что скоро вы так или иначе попытаетесь покончить с собой. Однако то, как отчаянно вы боролись за жизнь во время вчерашних беспорядков в клинике, заставляет усомниться в этом диагнозе. Что бы ни твердили врачи, я убежден: вы еще не утратили жажду жизни, а значит, говорить о вас, как о жертве Кризиса, пока рановато. Буду откровенен: ваша поездка сюда тоже являлась своего рода испытанием. И если бы вы его провалили, то к вечеру гарантированно вернулись бы в клинику, уже без единого шанса восстановить свою карьеру и репутацию.

– Даже так?! – удивляюсь я и тут же спохватываюсь, поскольку капитану не пристало открывать рот без спроса в официальной беседе с генералом. – Кхм... Виноват.

Что ни говори, а за время пребывания в психушке привитая мне в армии дисциплина успела слегка расшататься.

– Совершенно верно: карьера и репутация, – подтверждает Верниковский, пропустив мимо ушей реплику еще не реабилитированного психа. – Вы интересовались у моего помощника новостями и не попытались сбежать, хотя он нарочно оставил дверцы машины незаблокированными. К тому же, надев мундир, вы снова вспомнили об уставных правилах, что не может не радовать. Будь вы действительно душевнобольным, вряд ли после столь долгой и строгой изоляции ваше поведение на свободе было бы адекватным. Возможно, вашего врача подобные аргументы не убедят, но мне их вполне достаточно, чтобы признать: передо мной вполне здоровый человек и офицер, а не тот социально опасный элемент, чье клеймо вам навесили в клинике... Скажите честно, почему вы забили до смерти того медбрата, из-за которого вас уперли в изолятор для буйных?

– Наверное, во многих подобных заведениях существуют мерзавцы, каким был этот санитар Витек, или как там его звали, – отвечаю я, полагая, что генеральская проверка продолжится, а, значит, угроза моего возвращения в «зоопарк» еще не миновала. – Такие люди знают только один способ самоутверждения: третировать и унижать всех подряд. Витек распоясался настолько, что, подозреваю, его побаивались даже коллеги по работе. Мне как новичку предстояло пройти придуманную Витьком так называемую «прописку». Унизительная процедура, в ходе которой нужно беспрекословно выполнять idiotские команды этого ублюдка. Я отказался. За это он меня избил и пообещал устроить ближайшей ночью не обычную, а уже особую «прописку». Что она собой представляет, я выяснять не собирался. Не дожидаясь ночи, я выгадал момент, когда Витек отойдет подальше от своих коллег, после чего напал на него из-за угла, сбил с ног и несколько раз пнул по голове. Я и не собирался убивать его. Просто хотел надолго отправить на бюллетень. К сожалению, один из ударов оказался смертельным.

– Вы проломили медбрату Виктору Колодаеву височную кость, – добавляет комбриг, – и нанесли ему, лежачему, дюжину ударов ногами в голову. Не самая гуманная отправка на больничней, я бы сказал.

– И сделал бы это снова, если бы кто-то опять попытался заставить меня совать палец в чужую задницу, а затем облизывать его под гогот «прописчика»! – стиснув кулаки, заявляю я. Звучит дерзковато. Приходится усилием воли унять накотившую злобу, чтобы, не дай бог, Верниковский не решил, будто я выхожу из себя. – Виноват, товарищ генерал-майор... Я не испытываю никакого удовольствия от того, что натворил. Но если справедливость состоит в том, что мне нужно было согласиться терпеть унижения какого-то извращенца, значит, я просто неправильно усвоил уроки, в которых нам – курсантам военного училища, – рассказывали о чести русского офицера.

Киберденщик принес две порции ароматного кофе. Комбриг достает из шкафчика фляжку и, не спрашивая, наливает из нее в каждую чашку немного коньяку. Надо думать, это

также часть генеральской проверки, а значит, провалить новый тест я не вправе, как и предыдущие.

– По факту убийства вами медбрата было проведено расследование, в ходе которого выяснилось, что ваша жертва и впрямь частенько превышала свои служебные полномочия, – вновь просвещает меня Александр Игнатьевич, и вправду хорошо изучивший мою подноготную. – Вы правильно подозревали: этот Колодаев действительно успел насолить многим своим коллегам по работе. Кое-кто из них не отказал себе в удовольствии поплясать на косточках вашего Витька, дав показания о его выходках... Хотя вам от этого, безусловно, не легче. За пределами клиники ваши действия не подпадают даже под статью о превышении допустимой самообороны и трактуются как обычное убийство из чувства мести. Законопослушный гражданин Верниковский вас, конечно, осуждает, но офицер Верниковский готов признать ваше право на защиту своих чести и достоинства. Мне не доводилось оказываться в подобной ситуации, поэтому трудно сказать, как поступил бы я на вашем месте. И к тому же, – он многозначительно ухмыляется, – не поквитайся вы со своим обидчиком, вряд ли сидели бы сейчас здесь, а я едва ли предлагал бы вам воспользоваться шансом получить полную реабилитацию.

– Боюсь, товарищ генерал-майор, я абсолютно не понимаю, как такое вообще возможно, – недоуменно замечаю я, прихлебывая божественный кофейно-коньячный нектар.

Комбриг берет со стола свою чашку, но не усаживается в кресло, а, щелкнув пальцами в сторону телевизионного панно, запускает посредством этой звуковой команды видеозапись. Качество ее оставляет желать лучшего, поскольку, судя по ракурсам, съемка велась охранными камерами. Но, несмотря на это, я быстро определяю, что на экране демонстрируется финальная стадия вчерашних беспорядков в клинике. Генерал отступает, дабы не загоразживать мне обзор, молча досматривает со мной ролик до того момента, как его архаровцы перестреляли семерых бунтарей, после чего командует «стоп», и, когда изображение на панно застывает, говорит:

– Вся эта беготня не представляет для нас особого интереса. Гораздо любопытнее то, что случилось потом. Если вы вдруг забыли, давайте освежим вашу память.

На следующем выбранном и увеличенном Верниковским стоп-кадре я таращусь на туманного призрака (и не предполагал, что в испуге у меня настолько идиотское лицо), а в это время где-то за кадром кибермодуль «Хомяк» везет по коридору странный аппарат. Про мою забывчивость комбриг, конечно, пошутил. То, что он мне сейчас показывает, я буду помнить, наверное, даже на смертном одре.

Я перевожу вопросительный взгляд с экрана на Александра Игнатьевича. Если генерал думает, что его подсказка наведет меня на правильные выводы, он ошибается. Как сказал один туповатый гангстер из старого фильма своему более умному приятелю: «Чем лучше ты мне разжуешь этот вопрос, тем больше сэкономишь времени». Вот и Верниковскому вместо того, чтобы играть в загадки, было бы проще разжевать мне все по порядку. Ведь срочность, с которой я был сюда доставлен, явно указывает на то, что комбриг куда-то торопится.

– Это – единственная причина, по которой я приказал выпустить вас из клиники, капитан, – кивнув на панно, поясняет Верниковский. – Скажу честно: других причин заниматься вашей реабилитацией у меня нет. Не заполучи я вчера эту видеозапись, вы так и сидели бы в своем изоляторе, а я никогда не заинтересовался бы судьбой капитана Тихона Рокотова. Но наши пути пересеклись, и я намереваюсь извлечь из этого максимальную выгоду. Не для себя, разумеется, а для той страны, которой мы с вами однажды дали воинскую присягу. Уверен, вы также остались верны ей и не разочаруете меня. А теперь перейдем к делу. Вам что-нибудь известно о газообразном веществе, с которым вы вчера столкнулись?

– Никак нет. – Я мотаю головой. После чего замечаю: – Разрешите уточнить, товарищ генерал-майор: я очень сильно отстал от жизни. По пути к вам мне пришлось увидеть странные и пугающие вещи. Ваш посыльный сказал, что единственный, кто даст мне на них исчерпыва-

ющие ответы, – это вы. Поэтому прежде чем мы займемся делами, буду весьма признателен, если вы проведете для меня короткую политинформацию.

– Я осведомлен, в каких условиях вас содержали, и готов выполнить вашу просьбу, – отвечает комбриг, потягивая кофе. – Но дабы не возвращаться раз от раза к одному и тому же, я введу вас в курс дела по ходу обсуждения, согласны? Тогда, будьте уверены, многие накопившиеся у вас вопросы отпадут сами собой. Однако сначала мне хочется задать вам встречный вопрос, скажем так, частного характера. Это касается истории вашей болезни. Прошу, не обижайтесь, если я покажусь вам бестактным, но постарайтесь ответить честно, поскольку это в любом случае поможет и вам, и мне... Существо, которое, как вы утверждали на медицинской комиссии, живет у вас в голове... Скептик – кажется, так?.. Вы с ним еще разговариваете?

– Это не существо, товарищ генерал-майор, – возражаю я, не сомневаясь, что все сказанное мной дальше не доведет меня до добра. Но раз уж велено быть честным, значит, таким и буду. Юлить перед Верниковским означает навлечь на себя еще больший гнев. – Это мой брат-близнец, в существование которого после его фактической смерти не верили даже наши родители. И тем не менее, кто бы что ни говорил, Скептик существует и прекрасно себя чувствует. И да – я до сих пор с ним разговариваю. А попробую не заговорить, так он мне покоя не даст. Хотите верьте, хотите нет, но только благодаря Скептику мне удалось показывать хорошую успеваемость в школе и училище, а затем стать лучшим инженером-кибероператором в Округе. Правильно говорят: одна голова – хорошо, а две – лучше. Решать математические задачи и программировать кибермодули вдвоем намного проще, а Скептик в своем интеллектуальном развитии ушел гораздо дальше, чем я. И все потому, что он – чистый разум, которому не надо заботиться о собственном теле и отвлекаться на его физиологические потребности.

– И как вы уживаетесь со своим братом в таких... хм... неординарных условиях? – По невозмутимому лицу Александра Игнатьевича нельзя было понять, говорит он серьезно или иронизирует.

– Нормально уживаемся, – пожимаю я плечами. – Согласен, характер у Скептика не сахар и иногда, бывает, мы ссоримся. Но до драк дело пока не доходило, да и вряд ли когда-нибудь дойдет.

– Ума не приложу, как вам удавалось так долго скрывать свою тайну. Особенно в детстве.

– В детстве я ее на первых порах и не скрывал. Но родители предпочитали верить психиатрам, а не моим заявлениям о том, что мой брат жив и разговаривает со мной отсюда. – Горько усмехнувшись, я стучу себе пальцем по затылку – там, где у меня с младенчества вживлена костяная «заплатка», вырезанная из черепа моего к тому моменту уже умершего брата-близнеца. – Впервые это случилось, когда мне было лет одиннадцать. Брат заверяет, что до этого времени он как будто спал и одновременно обучался во сне всему тому, чему обучался я. По крайней мере, раньше он меня не беспокоил. Наверное, тогда наши разумы были разделены неким ментальным барьером, ограждающим нашу раздвоенную неокрепшую психику от перенапряжения. А может, причина крылась в другом – это теперь одному Богу известно. Поначалу я был в отчаянии, что никто не воспринимает мои слова всерьез, пока однажды Скептик – тогда он любил чуть ли не ежедневно придумывать себе новое имя, – не убедил меня в том, чтобы я прекращал нервировать взрослых своими рассказами. А также всякий раз безропотно соглашался, когда мне будут говорить, что живущий у меня в голове братец – выдумка.

– И вас сразу оставили в покое, – догадывается Верниковский.

– Не сразу, но оставили, вы правы. Я же говорю, что мой брат всегда опережал меня в умственном развитии. Он вовремя сообразил, что чем больше я буду упорствовать, доказывая взрослым свою правоту, тем быстрее мне навесят ярлык малолетнего параноика. А так все вылилось в безобидный мимолетный бзик переходного возраста. С тех пор я очень редко разговаривал со Скептиком вслух. Только наедине, за закрытыми дверьми. Однако кто бы знал, что, согласно новой антикризисной директиве, Особый отдел Округа с недавних пор следит

за офицерами даже у них дома! Якобы для предотвращения попыток суицида – так мне объяснили происхождение той компрометирующей видеозаписи. А нашим психиатрам ведь все равно, режу я себе вены или веду сам с собой задушевные беседы. Самоубийца, псих – невелика разница, если задуматься... Понимаю, товарищ генерал-майор: в то, что я рассказал, трудно поверить, но...

– Да полноте, капитан! – махнув рукой, перебивает меня комбриг. – Я вам не психиатр, чтобы видеть в каждой человеческой странности признаки душевного расстройства. Более того, я склонен допустить, что операция по разделению цефалопагов может обладать таким удивительным побочным эффектом, какой приключился с вами. Почему нет? Что вообще нам известно о головном мозге? Конечно, гораздо больше, чем сто лет назад. Но если учесть, что и в те годы наши познания об этом наисложнейшем органе были крайне скудны, значит, на сегодняшний день загадок у него еще предостаточно. И сомнительно, что кто-то в ближайшее время отыщет на них ответы. Бойтесь, я вам не поверю? Ошибаетесь, капитан. В вашу историю мне сегодня поверить куда легче, нежели в ту, какую вы услышите от меня. Вы дали мне логичное объяснение вашей странности, а вот я, увы, не смогу подкрепить свой рассказ убедительной версией о том, что происходит в десяти километрах севернее от нас.

– Вы хотели сказать: «происходит в Новосибирске»? – настораживаюсь я, заметив, как вмиг посуровело лицо Верниковского.

– Я хочу сказать: там, где раньше был Новосибирск, – мрачно уточняет комбриг. – Вынужден сообщить вам пренеприятное известие, товарищ капитан: вашего родного города больше не существует. Прошу, примите в связи с этим мои искренние соболезнования...

## Глава 3

Если смотреть на объект «Кальдера» с того места, где когда-то находился бердский парк «Зеленый остров», кажется, будто ты перенесся с берега Обского моря в высокогорный Тибет. В километре за береговой линией исчезнувшего водохранилища его пересохшее дно обрывается отвесной стеной, уходящей вниз на четыреста с лишним метров. Определить это на глаз невозможно. Примерно на стометровой глубине, начиная от склона и до горизонта, раскинулось море беспросветной белесой мглы – примерно такое, какое можно наблюдать в иллюминатор самолета, летящего над густым облачным покровом. Обрыв тянется относительно ровным фронтом с юго-запада на северо-восток куда хватает глаз. Стоя у его кромки, я и впрямь ощущаю себя альпинистом, взобравшимся на горную вершину и взирающим с нее на заоблачные просторы каких-нибудь Гималаев или Памира.

Правда, стоит лишь оглянуться назад, и эта иллюзия мигом пропадает. Позади виднеется все тот же Бердск, чьи жители были эвакуированы еще в октябре, а в оставленном ими городе теперь квартирует антикризисная бригада Округа. Ныне Бердск стоит не на восточном берегу Новосибирского водохранилища, а на южной границе объекта «Кальдера» – заполненного туманом гигантского углубления с отвесными склонами. По форме оно напоминает вулканический или метеоритный кратер диаметром свыше сорока километров. Согласно показанным мне спутниковым фотоснимкам, северная точка этой циклопической окружности располагается в Пашинском районе, который, если б не Кризисы и сопутствующий им спад темпов строительства, давно утратил бы статус пригорода. Западная и восточная точки «Кальдеры» находятся соответственно в районе аэропорта Толмачево и павильонного городка русско-индийской киностудии «Бомбей-Кольцово».

Южная координатная отметка объекта значится на тех снимках точно в русле Оби, что похудела относительно исчезнувшего водохранилища примерно в четыре раза. Но не исчезновение Обского моря повергает меня в трепет. Это само по себе грандиозное явление меркнет на фоне другого катаклизма, который также запечатлен на спутниковых фотографиях.

Дело в том, что севернее «Кальдеры» могучая полноводная Обь фактически исчезает. Та река, что вновь возникает где-то возле Томска из слияния мелких речушек и подземных источников, становится полноводной лишь перед ее впадением в Иртыш. А на участке между Томском и «Кальдерой» русло Оби походит на пересохший Бердский залив: заснеженная котловина, на дне которой течет замерзшая речушка, а на склонах громоздится всякий хлам – от коряг и остовов затонувших лодок до огромных барж, катеров и прочих судов, оказавшихся на мели из-за резкого и катастрофического падения уровня воды. Возвышающиеся над обмелевшим руслом огромные мосты выглядят из космоса вкуче с речушкой словно стальные медицинские скрепки, наложенные поверх безобидной царапины, которую большинство из нас даже йодом поленился замазать.

Зато как помпезно «верхняя» Обь оканчивает свой путь, низвергаясь с обрыва в «Кальдере»! Вы небось подумали сейчас о знаменитой Ниагаре, но сравнивать ее водопад и новорожденный Обский все равно, что сопоставлять огневую мощь обычной штурмовой винтовки и скорострельного крупнокалиберного пулемета. Согласитесь, километр ширины и полста метров высоты Ниагарского водопада против, соответственно, трех с лишним километров и четырехсот метров Обского смотрятся уже не так внушительно. В пользу старичка-американца говорит лишь то, что ревущая стена воды юного крепыша-сибиряка, пролетая вертикальную стометровку, исчезает в непроницаемом тумане и остальные две трети пути скрыта от наших глаз. Этот непростой туман еще и здорово приглушает грохот ежесекундно сталкивающихся с землей десятков тысяч тонн воды. Стоя у края обрыва, я слышу отнюдь не тот шум, который обязан сейчас слышать. В Бердске же он и вовсе кажется далеким шумом поезда.

Бесконечный поезд, идущий из ниоткуда в никуда...

Даже от кратковременного созерцания Обского водопада и безбрежной белой пелены под ним мне становится дурно. При взгляде с обрыва «Кальдера» кажется воистину бездонной. Рядом с ней я ощущаю себя букашкой, ползущей по ободу огромного котла с пенистым варевом. Куда девается вливающаяся в этот котел вода, если за три месяца она так и не наполнила его до краев? Утекает в земные недра, исчезая в еще более ужасающих глубинах?..

– Крепитесь, капитан, – заметив мою бледность, говорит Верниковский и ободряюще хлопает меня по плечу. – Первый раз, когда я здесь очутился, мне тоже стало не по себе. Пусть, в отличие от вас, я не уроженец Новосибирска, но вполне понимаю, что вы сейчас чувствуете. Академик Ефремов уверял, что этот дьявольский жребий мог с одинаковой вероятностью пасть на любой другой крупный город, в каком бы уголке планеты он ни находился. К несчастью, проклятая *Mantus sapiens* выбрала именно Новосибирск.

– Но почему? – с нескрываемой обидой интересуюсь я, хотя прекрасно осознаю, что комбригу неведом ответ на мой вопрос. – Почему ефремовская *разумная мантия* не вырвалась в Нью-Йорке, Москве или Токио? Ведь, по теории этого мурманского умника, там ей было бы и вовсе раздолье.

– Вы сами только что ответили на свой вопрос, капитан, – горестно вздыхает Александр Игнатьевич. – Теория академика Ефремова основана на его логических умозаключениях, которые, по сути, есть мысли обыкновенного человека, пусть и высокообразованного. А разумная мантия – да и разумная ли она вообще? – подчиняется своей логике. Которую нам с вами, боюсь, никогда не постичь, как и логику божьего промысла. Сам Ефремов постоянно подчеркивал, что на современном этапе развития науки его теория недоказуема. Что ж тогда требовать от нас, узколобых солдафонов?..

Именно *Mantus sapiens*, она же разумная мантия и Душа Антея, как еще любил называть ее не чуждый поэзии академик Лев Карлович Ефремов, и раскинулась сейчас пред нами до самого горизонта. С этой же субстанцией я сталкивался в клинике, когда она покинула растерзанные пулями тела психопатов-спецназовцев и ненадолго заинтересовалась мной. С какими намерениями она это делала, я теперь знаю абсолютно точно. Утратив прежних носителей, разумная мантия незамедлительно бросилась искать себе новых. И если бы верниковцы оперативно не заманили ее в специальную акустическую ловушку, именуемую флейтой Ефремова-Клейна, через минуту Душа Антея вселилась бы в других людей, попавшихся ей первыми: военных или пациентов «зоопарка». И стены не удержали бы ее. Как заверял академик, даже экранированные многослойными силовыми полями бронебетонные плиты не являются для *Mantus sapiens* преградой.

За время, что разумная мантия провела на свободе до включения флейты, она могла не раз проникнуть мне в тело и обосноваться там, как обосновалась до этого в телах бойцов «Громого Кулака». Однако этого не произошло. Способная проникать сквозь все и вся Душа Антея будто наткнулась на непроницаемый для нее барьер и остановилась. На памяти комбрига, под чьим присмотром мурманский академик вел здесь свои исследования, такого еще не случалось.

Сегодня, когда экспедиция Ефремова на дно «Кальдеры» потерпела фиаско, а сам он сгинул там без вести, Верниковскому приходится самостоятельно искать объяснения новым загадкам *Mantus sapiens*. Поэтому генерал и решил связать мою странную невосприимчивость к ней с диагнозом, выписанным мне врачами клиники. Прежде чем бесследно кануть в аномальной зоне, академик успел выяснить, что разумная мантия всегда перво-наперво просачивается в мозг человека либо животного. А уже оттуда она начинает планомерную перестройку всего организма на клеточном уровне, наделяя своего носителя невероятными физическими качествами, но лишая самого главного – человеческого сознания. Или души, как выразился генерал Верниковский, – не по-научному, но тем не менее весьма точно.

Ей на смену приходит Душа Антея, названная так Ефремовым в честь некогда непобедимого сына богини Геи. Мифический исполин черпал свое могущество, соприкасаясь с матерью-землей, и погиб, будучи задушенным не менее легендарным Гераклом, который поднял его в воздух, оторвав тем самым от источника его чудесной силы. Субстанция по имени Душа Антея также исходит из земных недр и превращает свои жертвы в практически неуязвимых воинов, уничтожить коих можно лишь расчленив их на куски или отстрелив головы. Какими бы могучими и нечувствительными к боли ни становились эти люди, их тела остаются уязвимыми для пуль. Только это обстоятельство, а также флейта Ефремова-Клейна позволяют бойцам Верниковского обезвреживать агрессивных кальдерцев – так солдаты прозвали тех, кого им доводится порой вытаскивать из «Кальдеры» на поверхность...

Впрочем, пока я сам проделываю этот головокружительный путь – только не вверх, а вниз, – нелишне рассказать вам предысторию моего нисхождения в зев Дьявола. Хотя бы столько, сколько успею до того, как погружусь в туман, потому что дальше будет уже не до разговоров. Финальная стадия этого спуска выдаться слишком уж разухабистой. Намного разухабистее моих давешних походов в клинику...

Итак, что же творилось в Новосибирске и окрестностях, когда Тихон Рокотов маялся в палате для буйных психов и гадал, что произойдет раньше: его возвращение в общий стационар или конец Третьего Кризиса?

История гибели крупнейшего сибирского города началась за неделю до того, как меня упекли в клинику. Не будь я тогда всецело поглощен своими проблемами, наверное, обратил бы внимание на промелькнувший в теленовостях любопытный сюжетец. В нем рассказывалось о том, что на северо-западной окраине Новосибирска, в районе Кудряшовский, всего за одну ночь полностью исчезли два небольших озера: Глухое и Кривое. Виновата в этом была глубокая и длинная трещина, что образовалась в земле параллельно Колыванскому шоссе. Разлом будто сабельным ударом разрубил вышеупомянутые озера, расположенные неподалеку друг от друга. После чего оба они попросту исчезли, оставив вместо себя лишь грязные илистые лужи.

Дело было ночью, но сопровождавший катаклизм сейсмический толчок разбудил и взволновал окрестных жителей. Поэтому утром на месте происшествия уже находились представители властей, геологи и бригады спасательных служб. По счастливой случайности разлом возник на пустыре, вдали от жилых построек, и поначалу не вызвал сильного ажиотажа. Однако размеры трещины – десять метров ширины и километр длины – не позволяли отнести ее к обычным стихийным бедствиям, вроде просадки грунта. А когда в ходе расследования геологам открылись новые подробности инцидента, причина возникновения разлома не только не выяснилась, а стала еще туманнее.

Под воздействием силы неизвестной природы слой грунта у краев трещины затвердел настолько, что его не брал ни отбойный молоток, ни лазерный резак. Изучение окаменелой почвы на месте мало что дало. Единственное, в чем убедились геологи: грунт не подвергся высокотемпературному воздействию при выбросе газа, как показалось им сначала. Во-первых, анализ воздуха не выявил наличия в атмосфере посторонних примесей, а во-вторых, несмотря на сильное отвердевание склонов разлома, структура их грунта осталась неизменной. С той лишь разницей, что теперь он превратился в монолит, а все населяющие его насекомые, растения и микроорганизмы окаменели вместе с ним. Невероятно, но затвердевшие клетки тканей травы и насекомых остались ничуть не поврежденными, в то время как любая попытка оторвать такого жука от почвы или срезать стебель даже тоненькой травинки заканчивалась неудачей.

Укрепившая склоны подобно опалубке аномалия проникла в них на пять метров. Она же нагребла по обе стороны трещины земляные валы – вроде как раскрывшиеся створки ракушки раздвигают возле себя песок. Стены провала сходились под острым углом приблизительно на пятидесятиметровой глубине. Но сходились не до конца, а образовывали на дне узкую щель, в

которую и канули бесследно два озера. Спущенный в провал исследовательский кибермодуль определил, что каменные пласты под грунтом тоже подверглись странному затвердеванию, а глубина щели не поддается зондированию. Ни акустическому, ни осуществленному посредством лазерного дальномера.

Последнее обстоятельство вогнало ученых в очередное замешательство. Согласно высокоточным измерительным приборам, провал являлся бездонным. Разве только сигналы сканеров искажались той глубинной аномалией, которая оставила свой отпечаток на склонах трещины. Эта невероятная теория, как ни странно, больше походила на правду, пусть и не имела в настоящий момент научного подтверждения.

Пока исследователи подготавливали к отправке в щель другой киберразведчик, способный проникать в более узкие разломы, пришло известие, что в Кудряшовском и прилегающих к нему районах резко понизился уровень грунтовых вод. Это явление уже вписывалось в рамки сегодняшнего катаклизма, хотя его причина продолжала оставаться загадкой. Сейсмические датчики не регистрировали новых подземных колебаний, но власти все равно распорядились от греха подальше эвакуировать жителей ближайших к трещине кварталов. Что и было сделано к вечеру этого же дня – фактической даты начала гибели Новосибирска, тогда еще не подозревающего, что ждет его уже через месяц.

Не прошло и минуты, как связь с отправленным в провал электронным разведчиком оборвалась безо всякой очевидной причины. Вдобавок автопилот «умного» кибермодуля не доставил его обратно, а снабдить на всякий случай автономную технику страховочным тросом никто не догадался. Стесненные из-за Кризиса в средствах ученые сибирского института Геологии и Геофизики взялись спорить, нужно ли рисковать еще одним кибермодулем, если потерю этого им компенсируют в лучшем случае только в будущем году. Спор разрешился в пользу тех, кто настаивал на продолжении исследований. Но, увы, правы в итоге оказались пессимисты. Судьба второго разведчика в точности повторила судьбу первого, несмотря на то, что теперь он был оснащен дополнительной страховкой. Как назло, при подъеме отказавшего оборудования оно зацепилось за стену разлома и трос попросту лопнул.

Единственным достигнутым ценою этих жертв результатом стали две короткие видеозаписи, которые кибермодули успели передать на операторский пульт. На них было зафиксировано, как на глубине около ста метров разведчики погружаются в облако густого тумана, после чего с каждым из них и пропала связь. Без сомнений, эта летучая субстанция и вызвала поломку оборудования. А, стало быть, имелись все основания считать ее агрессивной.

Дабы не жертвовать больше дорогостоящей техникой, ученые решили произвести забор непонятного газа по старинке: при помощи обычной помпы. Но и это не помогло. Опущенный в разлом длинный шланг качал вполне обычный для той среды воздух, без каких-либо вредных примесей, до тех пор, пока руководителю научной группы это не надоело и он не приказал выключить насос. В прикрепленном к шлангу для страховки воздухозаборном контейнере также не оказалось ничего интересного. А вот прицепленная к нему высокопрочная и упакованная в герметичный чехол миникамера подбросила исследователям новую пищу для ума.

Запечатлев погружение шланга в туман, камера моментально вышла из строя, чем уже никого не удивила. Однако, будучи поднятой на поверхность, оказалась ничуть не поврежденной, с полностью заряженными аккумуляторами. Разве что поначалу наотрез отказывалась работать, но примерно через полчаса как ни в чем не бывало включилась и больше не артачилась. Потерпев фиаско с образцами (никто из группы так и не дал внятного объяснения этому факту), ученые вознамерились повторить любопытный эксперимент с видеокамерой. Но тут обследующие края разлома геологи наткнулись на такое, что прочие их коллеги сразу отложили работу и примчались на место очередного открытия.

От нацеленного на соседний Марусинский район южного конца трещины со скоростью около двадцати метров в час двигалась по земле удивительная аномалия. Она представляла собой ежесекундно удлиняющуюся полосу шириной в десяток шагов. Все, что оказывалось в ее пределах – грунт, мелкий мусор и пожухлая трава, – каменело так же, как до этого окаменели берега провала. Причем если тот или иной объект выступал за границы этой полосы или был выше полуметра, он «черствел» лишь частично. Эта закономерность четко прослеживалась на деревьях, чьи стволы превратились в монолит лишь у корней.

На противоположной оконечности разлома, что характерно, ничего подобного не наблюдалось.

Окаменелая тропа являлась лишь верхушкой вертикальной монолитной жилы, уходящей в землю, очевидно, на глубину разверзнутого провала. Вдобавок ко всему аномалия еще и увеличивалась в размерах! Да так быстро, что, продолжай она расти с такой же скоростью, уже через трое суток эта полоса отвердевания грозила достичь Марусинского района!

И ладно, если этим все ограничится, что само по себе уже было чревато катастрофой. Ученые уповали на лучшее, но, как люди трезвомыслящие, почти не сомневались, что наблюдают образование нового разлома. Или, точнее, прогрессирование существующего. Гигантский замок-молния – вот что напоминала трещина идвигающаяся от нее аномальная полоса. Первая, соответственно, олицетворяла собой расстегнутые половины этого замка, а вторая – ту его часть, которой еще только предстояло расстегнуться.

Но что за неведомая сила формировала в земле монолитную жилу, которая раскалывалась вдоль и становилась крепчайшей опалубкой для стен колоссальной траншеи? Все происходящее на границе Кудряшовского и Марусинского районов больше напоминало не стихийный тектонический катаклизм, а систематизированный процесс, управляемый неким высшим разумом. Вот только цели его продолжали оставаться неясными.

Худшие прогнозы ученых полностью оправдались. Через неделю Тропа Горгоны (такое неофициальное название получила растущая аномалия) протянулась на юг почти на четыре километра, углубившись на территорию Марусинского района – на тот момент полностью эвакуированного. Все это время геологи работали в три смены, пытаясь если не остановить катаклизм, то хотя бы понять его природу. Много шуму наделал эксперимент, в ходе коего поставленная на пути Тропы клетка затвердела вместе с посаженными в нее крысами. Даже привыкшим к подобному жертвоприношению во имя науки ученым было жутко глядеть на то, как испуганно верещащие грызуны на глазах превращаются в натуральные окаменелости. Благо, смертельную угрозу представлял только постоянно движущийся край аномалии. Уже в сантиметре позади него начиналась вполне безопасная зона. Иных же причин для утешения в ближайшие дни у исследователей явно не намечалось.

Теперь образование разлома протекало на порядок сокрушительнее. Четырехкилометровая трещина с грохотом распахнула свой зев среди бела дня, изуродовав лик города чудовищным шрамом, сросшимся воедино с тем, что возник неделю назад севернее. Деревья, здания и опоры ЛЭП, через которые прошла Тропа, оказались уничтоженными, когда та раскололась. Соседствующие с ней объекты либо также разрушились, либо устояли, но были засыпаны земляным валом, вновь вздыбившимся по обе стороны трещины. Несмотря на то, что ее появления ждали, без жертв не обошлось. Группа чересчур самоуверенных геологов оказалась вблизи от аномалии при ее расколе и в полном составе упала в провал. Туда же отправился армейский бронетранспортер, экипаж которого патрулировал Тропу. Солдаты решили сфотографироваться на фоне плаката, запрещающего приближаться к ней, за что и поплатились, когда начертанное позади них предупреждение сбылось именно в эту минуту.

Однако не успел новый переполох сойти на нет, а Тропа Горгоны уже двигалась дальше, взяв курс на аэропорт Толмачево.

Ширина трещины оставалась неизменной, однако ее неумный рост вызвал шумиху не только в Новосибирске и соседних регионах, но и за рубежом. В европейских и американских научных кругах также обсуждались приходящие из Сибири сводки. А скорость движения Тропы возрастала день ото дня. И когда она перечеркнула взлетно-посадочные полосы городского аэропорта и разверзлась в третий раз, о ней, наконец, заговорил весь мир. Двенадцатикилометровый новосибирский разлом стал одной из главных тем телевизионных новостей, подлив масла в огонь всеобщей неразберихи Третьего Кризиса.

К исходу второй недели по берегам провала раскинулись мобильные лагеря геологических институтов со всей России. Вот только проку от массивированного научного десанта было чуть. Еще дюжина разведывательных модулей сгинула бесследно во мраке бездны. Опыты с выходящими из строя и вновь начинающими работать электроприборами заводили в тупик всех без исключения экспериментаторов. Мощнейшие помпы выкачивали из пропасти кубометры воздуха, но вопреки законам физики газообразная субстанция упрямо не желала подниматься на поверхность. Чтобы сдвинуть исследования с мертвой точки, требовался доброволец, готовый изучить странный туман в его естественной среде. Но поскольку не подверженные кризисному настроению геологи отнюдь не стремились к самоубийству, желающих соваться в разлом не было.

Дружное нежелание рискнуть жизнью ради науки подогревалось результатами опытов над животными. Их спускали вниз и окунали в туман как в обычных клетках, так и в герметичных контейнерах. Все без исключения подопытные – от крыс до шимпанзе, – поначалу впадали в панику, но прекращали беситься, едва достигали газообразной субстанции. В таком же спокойном состоянии мохнатые первопроходцы возвращались обратно независимо от того, сколько времени они проводили под землей: часы или считанные секунды. Однако что таилось за этим молчаливым спокойствием, выяснилось на примере первого же помещенного в карантин подопытного.

Забившаяся в угол контейнера, на вид совсем не агрессивная крыса увидела тянущуюся к ней руку лаборанта и, не издав ни звука, яростно набросилась на нее, словно вступив в бой с хищником. Несмотря на прочную защитную перчатку, незадачливый исследователь лишился трех пальцев, пока не сумел стряхнуть наземь озверелого лабораторного грызуна. И, вероятно, получил бы еще множество укусов, если бы сразу не растоптал крысу каблуком.

С остальными подопытными дела обстояли похожим образом. Не проявляя поначалу признаков агрессии, они хладнокровно выжидали момент, чтобы напасть на человека. И если им это удавалось, утихомирить взбесившееся животное можно было лишь наспиговав его пулями. Электрошок и снотворное не помогали, потому что элементарно не действовали. Помимо молчаливой, но дикой ярости, «первопроходцы» демонстрировали также полную невосприимчивость к боли и поразительную живучесть. А умирая, испускали из себя, судя по всему, облачко той самой субстанции, за образцами которой геологи безуспешно охотились вот уже две недели.

Казалось бы, теперь, когда выяснилось, как извлечь искомое из земных недр, ученые должны были наконец-то заполучить необходимые материалы. Ан нет – покинув мертвые тела зараженных животных, туман тут же уходил в землю и растворялся в ней без остатка (в те дни Душа Антея еще не переселялась из погибшего носителя в живого, предпочитая возвращаться в свою колыбель; такие переселения стали нормой лишь после образования «Кальдеры»). Задержать утекающие буквально сквозь пальцы образцы не удавалось – они проникали даже сквозь стенки абсолютно герметичных контейнеров.

Исследователей отделял всего лишь шаг от значительного научного прорыва. Но как пройти это мизерное расстояние, не представляли даже лучшие ученые умы, собравшиеся возле новосибирского разлома.

А Тропа Горгоны между тем парализовала работу аэропорта, разрубила Омский тракт, западную железнодорожную магистраль и продолжала расти по полтора, а вскоре по два километра в сутки, постепенно отклоняясь к юго-востоку – в сторону Обского моря. Плановая эвакуация населения с прилегающих к аномалии территорий не прекращалась. Через три недели более ста тысяч горожан лишились своих жилищ. Нанесенный городу материальный ущерб исчислялся колоссальными суммами, не говоря о моральной стороне этой неординарной проблемы.

Скрыть зловещую правду не удалось при всем желании. Чем огромнее становился разлом, тем сильнее разрасталась вокруг него шумиха. Впервые со дня своего основания Новосибирск переживал столь масштабные геологические потрясения. И ладно бы они были давно изученной и поддающейся прогнозам сейсмической катастрофой! Слухи о том, что в каждодневно расширяющейся зоне оцепления происходит нечто сверхъестественное, расплозились по Новосибирску один другого немислимее. Мало кто верил официальным заявлениям антикризисного Комитета, что он держит ситуацию под контролем. Один лишь факт, что гигантский ненасытный червь продолжает вгрызаться в город, доказывал: ни у военных, ни у ученых нет оружия против такого чудовища...

Группа академика Ефремова прибыла в Новосибирск напрямик из Мурманской области, где Лев Карлович вот уже который год вел исследования на легендарной Кольской Сверхглубокой – буровой скважине, чей возраст исчисляется полутора столетиями. Правда, более века из них бурение там не велось. Но в две тысячи сто втором году Ефремов выкупил всеми забытую геологоразведочную станцию, очистил, выровнял и укрепил главный ствол скважины и возобновил буровые работы. Запатентовав в молодости несколько прогрессивных и коммерчески востребованных изобретений, к пятидесяти годам знаменитый ученый-геолог стал мультимиллионером. После чего и решил посвятить остаток жизни изучению глубинных недр нашей планеты – занятие во времена Кризисов, мягко говоря, непопулярное.

Сегодня, когда подобный энергоемкий труд целиком возложен на механические плечи кибермодулей, Льву Карловичу приходилось значительно проще, нежели его предшественникам, работавшим на станции в конце двадцатого века. Громоздкую многокилометровую колонну труб со вращающейся на конце буровой коронкой заменила слаженная команда роботов-проходчиков, способных проложить скважину идеально прямой конфигурации независимо от того, какой твердости порода попадет на пути. Однако если сто пятьдесят лет назад об успехах Кольской Сверхглубокой был наслышан весь мир (пробурить двенадцатиклометровую скважину для техники того времени являлось ошеломляющим достижением), то свои результаты Ефремов предпочитал держать в тайне. По крайней мере, широкого доступа к его научным трудам не было ни в Интернете, ни в других публичных информационных источниках.

Приезд в Новосибирск знаменитого мурманского геолога совпал с появлением седьмого по счету разлома, дугообразная цепь которых протянулась теперь на двадцать пять километров. Тропа Горгоны неумолимо приближалась к Обскому морю и, судя по всему, через неделю обещала достичь берега. Траектория ее движения была рассчитана, разумеется, лишь приблизительно. Согласно прогнозу, аномалия пересекалась с водохранилищем выше плотины, но где гарантии, что в ближайшие дни Тропа не свернет напрямик к ГЭС? Этот вопрос уже обсуждался городским антикризисным Комитетом, обязанным срочно подготовить план эвакуации тех районов Новосибирска, что примыкали к набережной. А затем – отдать приказ об открытии водосбросов и экстренном спуске воды, в ходе которого вышеупомянутые районы непременно будут затоплены. Но в любом случае заблаговременное понижение уровня Обского моря было предпочтительнее, чем прорыв дамбы и неконтролируемое затопление гораздо больших территорий.

В связи с закрытием новосибирского аэропорта Ефремову и его исследовательской группе пришлось долететь до Омска и оставшуюся часть пути проделать на автобусе. Однако в дороге с ними случилась неприятность: тягач, везший мобильную полевую лабораторию академика, угодила в аварию. К счастью, не слишком серьезную – водитель остался жив, а груз уцелел. Но из-за этой накладки ефремовское оборудование было доставлено в Новосибирск только через неделю. Что, впрочем, не помешало Льву Карловичу воспользоваться любезной помощью местных коллег и начать работу у разлома сразу, как только мурманцы прибыли на место.

Ефремов провел там всего полдня и узнал все, что ему было необходимо. После чего прибыл на заседание Комитета и предложил рассмотреть вопрос не о частичной, а о полномасштабной эвакуации города. Именно тогда впервые за время изучения Тропы и прозвучали зловещие слова *Mantus sapiens*. В отличие от остальных съехавшихся сюда ученых, самые авторитетные из которых были включены в Комитет на правах научных консультантов, Лев Карлович ничуть не сомневался, что причиной разлома служат происки именно Души Антея.

Присутствовавшие на заседании геологи отнеслись к версии Ефремова скептически, заявив в ответ, что ведь он сам и является автором недоказанной гипотезы о существовании так называемой разумной мантии. Гипотезы, в которую здравомыслящее большинство геологов попросту отказывалось верить, равно как и многим другим недоказанным теориям мурманского буровика-отшельника. А, стало быть, выдвинутая им версия не может служить здравым объяснением происходящему в Новосибирске катаклизму. И уж тем паче – доводом за массовую эвакуацию новосибирцев.

Но городской антикризисный Комитет, членом коего также числился генерал-майор Верниковский, не стал с ходу отвергать предложение академика, предложив ему обосновать свою точку зрения. Он, безусловно, был готов к такому повороту и выложил на стол видеоотчет о своих мурманских изысканиях. Времени у комитетчиков было в обрез, и они выделили Льву Карловичу на выступление всего двадцать минут. Поэтому ему нужно было постараться, чтобы за столь короткий срок убедить присутствующих в своей правоте.

По завершении ефремовского доклада научные консультанты остались при своем мнении, но некоторые члены Комитета, включая Верниковского, поддержали предложение академика. Возражения большинства не сделавших это комитетчиков сводились к одному: материалы Льва Карловича, конечно, заслуживают доверия, но, предвещая катастрофу, он все же сильно перегибает палку. Такой исход возможен лишь в том случае – и то гипотетически, – если теория Ефремова действительно является правдой. Однако как раз этого он и не сумел убедительно доказать. Так что если в существование *Mantus sapiens* присутствующие еще готовы с некоторыми оговорками поверить, то в масштаб прогнозируемой академиком катастрофы, к сожалению, нет. В общем, план сброса водохранилища и эвакуации горожан из зоны затопления остался приоритетным.

В качестве дополнительного аргумента своей правоты академик пообещал показать Комитету действующую модель флейты Ефремова-Клейна, которая, как назло, находилась в том самом застрявшем в дороге лабораторном трейлере. Все, что требовалось Льву Карловичу для демонстрации, это полдюжину образцов Души Антея, добывать которые (но, к сожалению, не сохранять) исследователи Тропы научились лишь одним-единственным способом – при помощи подопытных животных. Однако предложенный мурманским ученым эксперимент мог состояться в лучшем случае послезавтра – уступка, на какую Комитет, при всем уважении к знаменитому академику, пойти не рискнул.

Расстроенный отказом, он вернулся к разлому, где продолжил изучение аномалии вместе с остальными научными группами. А Комитет приступил к реализации первоначального спасательного плана, хотя, по заверениям Верниковского, он и прочие сторонники Ефремова засомневались в правильности такого решения.

Из-за сильного изгиба речного русла в черте города сбрасываемый ГЭС поток воды затопил преимущественно правый берег Оби. Полностью скрылись под водой расположенные ниже плотины острова и прибрежные дачные поселки – излюбленные места летнего отдыха новосибирцев. Прекратил работу речной порт, а все крупные суда были спешно отогнаны вниз по течению за пределы Новосибирска. Единственное, что помешало властям ускорить водосброс путем форсирования искусственного паводка, это железнодорожная магистраль. Насыпь проходила всего в полукилометре от берега и ее подмыв грозил лишь усугубить постигшую город транспортную блокаду.

Разумеется, за пять дней нельзя было полностью разгрузить дамбу, но на момент выхода Тропы к Оби уровень водохранилища значительно понизился. На сей раз аномалия оправдала научные прогнозы, достигнув берега четырьмя километрами выше плотины. А затем двинула дальше, по дну, так, как делала это прежде, пересекая мелкие озера и речушки и воздвигая над собой полуметровый барьер окаменелой воды, что больше походило на мутное стекло, чем на привычный лед. Исследователи уже ознакомились с этим новым агрегатным состоянием жидкости, преобразованной в твердый, как алмаз, монолит, который раскалывался надвое, когда аномалия разрывала дно встречного водоема.

Тропа Горгоны пересекла Обское море и вышла на противоположный берег не в устье Бердского залива, как ожидалось, а чуть ниже по течению. Из чего стало понятно, что аномалия взяла курс на запад, таким образом еще больше отклонившись от первоначального. Однако не прошло и дня, как полоса окаменения взялась уверенно сворачивать к северу, в сторону Кольцова. Она двигалась уже со скоростью около пяти километров в сутки и начинала охватывать Новосибирск петлей!

Точно как и предсказывал неделю назад академик Ефремов.

Образовавшаяся поперек русла трещина стала единственным недоступным для исследователей фрагментом Тропы. Они могли наблюдать лишь множество воронок и бурунов над тем местом, где река утекала в бездонный разлом. Впрочем, объем падающей туда воды был не настолько велик, чтобы заставить обмелеть одну из крупнейших российских рек. Едва опасность разрушения плотины миновала, водосбросы снова были перекрыты и уровень Обского моря опять начал повышаться. Паводок ниже по течению сразу прекратился и вышедшая из берегов река благополучно вернулась в прежнее русло.

Вот только мало кто в Новосибирске испытывал по этому поводу радость. Взоры горожан были прикованы теперь не к наводнению, а к петле разлома, неумолимо опоясывавшей город. Все популярнее становилась гипотеза, что петля эта в итоге замкнется, после чего наверняка разразится нечто еще более ужасное. Одно дело, следить за развитием событий со стороны, и совсем другое – видеть, как эти события стискивают тебя с каждым днем все сильнее, как голодный удав – кролика. Жить под таким психологическим гнетом тяжело даже тем, кто не подвержен депрессивному настроению Третьего Кризиса. Что же тогда говорить о его потенциальных жертвах – почитай, каждом десятом горожанине, если верить мировой статистике.

Переход Тропы Горгоны через Обское море и поворот ее курса на северо-восток положили начало исходу жителей из Новосибирска. Первая волна беженцев состояла в основном из пенсионеров, имевших дачи в загородных поселках и решивших таким образом продлить недавно закрытый дачный сезон. Зачастую вместе со стариками уезжали их малолетние внуки, отправленные родителями подальше от беспокойного города вместе с бабушками и дедушками. Никакой паники не было. Предусмотрительные люди – а именно они покидали в эти дни Новосибирск, – как правило, не склонны паниковать раньше времени. Поэтому потянувшиеся в пригород колонны автомобилей ничем не отличались от транспортных потоков, заполняющих те же дороги обычными предвыходными вечерами.

Паника началась через трое суток, когда разлом подобрался к павильонному городку киностудии «Бомбей-Кольцово» – восточной окраине Новосибирска. В то утро каждый не

покинувший город житель ощутил под ногами слабую дрожь, которая то утихала, то опять возобновлялась. Горожане, живущие близ железных дорог и линий метрополитена, и вовсе не придали значения этой вибрации. Да и остальные новосибирцы поначалу не нашли в ней ничего зловещего. Мало ли какие ремонтные работы ведутся в ближайших подземных коллекторах? Так что само по себе это обстоятельство не стало причиной дальнейших беспорядков и объявленной наконец-то властями широкомасштабной эвакуации.

Всеми виной послужили крысы – эти неистребимые паразиты, против которых даже в двадцать втором веке не существует абсолютно эффективного оружия. Через час после того, как горожане почувствовали дрожь земли, крысы тысячами высыпали из помоек и канализаций, а затем дружно кинулись прочь из города. И не куда попало, а в сторону тех районов, до которых еще не добралась Тропа Горгоны.

Глядя на заполонившее улицы крысиное море и слыша раздающиеся отовсюду крики ужаса, даже самые хладнокровные свидетели этого безумия испытали суеверный страх. Движение транспорта было парализовано во всем городе, а люди в ужасе разбежались с улиц или взбились на крыши автомобилей. Службы «Скорой помощи» зафиксировали невиданный доселе всплеск сердечных приступов, нервных припадков и острых аллергических кризов. Стаи крыс с левобережья переплывали Обь, пересекали железную дорогу и устремлялись вослед собратям с правого берега.

Мохнатая верещащая лавина пронеслась на северо-восток и сошла на нет через пару часов. Однако порожденная ею паника не стихла, а, наоборот, только набирала обороты. Если до сей поры у большинства горожан еще теплилась надежда на то, что история с разломом завершится благополучно, то после массового бегства крыс сравнение Новосибирска с тонущим кораблем стало как никогда прозрачным и убедительным.

Прогнозы академика Ефремова с каждым днем все больше походили на правду. Сквозь километры земных недр к городу действительно подбиралось неведомое и вдобавок разумное чудовище. Без преувеличения – самое огромное чудовище из всех, какие только существовали и существуют на Земле...

## Глава 4

Большие, как трамвайные колеса, шкивы подъемника вращаются у меня над головой, пропуская по своим пазам скрипучие толстые тросы. Огороженная перилами платформа вздрагивает и покачивается от порывов ветра, но исправно, метр за метром, продолжает везти меня вниз. Однако раскинувшаяся подо мной *Mantus sapiens* неподвластна ветряной стихии. Густой белый покров приближается неторопливо, словно низкий облачный слой для идущего на посадку авиалайнера. И эта неспешность действует мне на нервы хуже зубной боли.

Говоря начистоту, я бы предпочел, чтобы меня забросили в «Кальдеру» на парашюте. Уверен, во время прыжка мне было бы попросту не до сомнений и пораженческих мыслей. Но, к сожалению, Тихон Рокотов не настолько опытный парашютист и не может уповать на безопасное приземление в разрушенном городе. Да и неизвестно, в какие неприятности я бы вляпался, десантировавшись наугад в неизведанный район. А неспешная поездка на подъемнике позволяет изучить обстановку с высоты, без необходимости сходить на землю. И если в ходе спуска что-то покажется мне подозрительным, я могу подать сигнал красной ракетой, чтобы бойцы Верниковского поскорее вытягивали меня обратно наверх. Поэтому и приходится спускаться вниз, как какому-нибудь мойщику окон, а не героическому спецагенту, в которые произвел меня позавчера командир антикризисной бригады.

Неожиданный каприз судьбы для того, кто еще неделю назад лежал в психушке безо всякой надежды выйти оттуда в ближайшую пятилетку, верно? Хотя считать везением такую свободу – чересчур самоуверенно. Вести речь о моей полной реабилитации рановато, поскольку ее еще требуется заслужить. Для этого я должен пройти по маршруту экспедиции Ефремова и попытаться отыскать место, где он погиб. А если повезет, то и его тело плюс некий специфический груз, который нес с собой академик. После чего подобрать контейнер – Верниковский уверял, что он нетяжелый, поскольку пожилой геолог без труда таскал его в одиночку, – и вернуться к подъемнику.

Но это – задача-максимум. В действительности моя работа будет уже считаться успешной, если я в добром уме и здравии пересеку туманную завесу, хорошенько осмотрюсь и, вернувшись на поверхность, доложу об обстановке на дне «Кальдеры». При таком раскладе меня тоже ожидает вознаграждение, но оно сводится всего лишь к выписке из клиники под ответственность комбрига, предоставлению казенной квартиры в каком-нибудь райцентре и жизнь на пособие по инвалидности. В случае же полного успеха я могу рассчитывать на официальную награду, полную реабилитацию, восстановление на службе и продолжение ее под командованием Верниковского. А в будущем – на почетную отставку, повышенную геройскую пенсию и кучу социальных льгот. Такие гарантии Александр Игнатьевич дал мне лично, и у меня не было повода подвергать его слова сомнению.

В общем, стимул задержаться внизу и поискать чемоданчик Льва Карловича у меня есть. Тем более что генерал набросал примерный план маршрута ефремовской экспедиции. Знать бы только, как отреагирует Душа Антея на мое вторжение и не помешают ли кальдерцы моим поискам. Комбриг высказал гипотезу, которую, в свою очередь, выдвинул Ефремов, что носители разумной мантии проявляют агрессию, лишь очутившись за пределами «Кальдеры». Насколько объективна эта теория, ни тот, ни другой понятия не имели. Академик строил свою догадку на том факте, что отыскавшие подъемник и эвакуированные из аномальной зоны люди становятся одержимы насилием лишь спустя некоторое время: обычно – от шести часов до суток. Вполне вероятно, говорил Лев Карлович, что в «Кальдере» ему хватит для защиты одной лишь флейты, а сопровождающая его группа спецназа окажется не у дел. Но подстраховаться, конечно же, все равно не помешает.

Что стряслось с экспедицией и почему из одиннадцати ее участников – Ефремова и десяти бойцов «Громового Кулака», – возвратилось лишь семеро невменяемых солдат? Верниковский решил, что исследовательскую группу постигла беда, приведшая не только к гибели четырех человек, но и поломке либо утрате флейты. Из-за этого выжившие спецназовцы лишились генерируемого ею защитного барьера и, отступая назад, к подъемнику, оказались захвачены Душой Антея. После чего были вытащены на берег и даже успели сказать товарищам несколько невнятных фраз, прежде чем замолчали окончательно. В таком состоянии пострадавших доставили в клинику, где они, несмотря на усиленную охрану, умудрились все же вырваться из боксов и учинить побоище...

Платформа в очередной раз качается на ветру, и я невольно ежусь. Еще немного, и надо мной сомкнется белая и плотная, как вата, *Mantus sapiens*. Любопытно: ветер над ней дует такой, что с ног сбивает, а эта вроде бы обычная газообразная муть растеклась по «Кальдере» и даже не шелохнется. Чего она на самом деле выжидает? Уничтожила огромный город и затаялась. Копит силы для более сокрушительного удара? Ничуть не удивлюсь, если вскоре выяснится, что так оно и есть.

Я стараюсь обуздать волнение, но одна паническая мыслишка никак не дает мне покоя. А что, если тогда, в клинике, Душа Антея просто побрезговала мной как носителем, и потому не факт, что сейчас она поступит так же. Я поправляю на плечах походный ранец, пробую в который уже раз, легко ли снимается с предохранителя «АКМ-070» (электронные примочки на нем отключены – все равно при контакте с мантией все они выйдут из строя и неизвестно, заработают ли снова), переминаюсь с ноги на ногу... Просто для того, чтобы не стоять столбом и не ощущать колотящий меня мандраж.

При отправке в «Кальдере» ефремовской группы Верниковский не сразу опустил платформу подъемника на дно. Сначала они провели испытание, действует ли выставленная ими защита и какова внизу видимость. Экспедиционная флейта Ефремова-Клейна – модифицированный академиком лабораторный образец его устройства, – работала безупречно, как армейский кибермодуль. Туманный слой имел толщину не больше трех десятков метров, и потому на дне впадины было довольно светло – примерно как пасмурным днем в обычном городе. По предварительным оценкам, разрушения в Новосибирске – точнее, в его Первомайском районе, – оказались не такие ужасные, как ожидалось. Звучало неправдоподобно, но тем не менее Лев Карлович ручался за свои слова.

Благодаря ему, я могу составить представление об обстановке, ожидающей меня в точке прибытия. А вот что мне уготовано при погружении во мглу, остается пока загадкой. Экспедиция Ефремова проделала эту часть спуска под прикрытием флейты. Я, в отличие от первопроходцев, не защищен от разумной мантии ничем. В этом и кроется суть задуманной Верниковским авантюры. Мне предстоит вновь убедить благодетеля в своей уникальности, поскольку иначе проку от капитана Рокотова будет еще меньше, нежели от его предшественников.

Туман поглощает платформу, и я начинаю погружаться в него, словно гордый капитан, решивший остаться на мостике тонущего судна и погибнуть вместе с ним. Этот яркий образ возникает у меня в памяти, и Скептик спешит озвучить его со всем присущим ему сарказмом.

Прощайте, товарищи! С Богом, ура!  
Туманное море под нами!  
Не думали, Тихон, с тобой мы вчера,  
Что нынче умрем под волнами! —

нарочито пафосно поет он, перефразировав легендарного «Варяга» с учетом нашего не менее драматичного погружения. Мне остается лишь позавидовать выдержке Скептика,

искренне полагающего, будто он мастер тонко и остроумно шутить. Знает, ублюдох, что я не могу набить ему морду, вот и пользуется этим.

Туман неумолимо подбирается к горлу. Я инстинктивно задерживаю дыхание, хотя осознаю, что смогу дышать в этой субстанции, поскольку она все равно не попадет мне в легкие, как обычный пар или газ. Глаза, однако, зажмуривать не тороплюсь; лишь прищуриваюсь, а когда понимаю, что и это лишнее, открываю их уже без опаски. Пытаюсь что-нибудь рассмотреть – без толку. Мне еще не доводилось нырять в бассейн с кипяченым молоком (многие современные нувориши ищут в этой недешевой процедуре секрет естественного омоложения), но, думаю, ощущения при погружении в разумную мантию будут аналогичными. Разве только последняя оказывается не такой густой. По плотности Душа Антея ближе к сжиженному газу. А вот по температуре и цвету впрямь напоминает горячее молоко. После пребывания на январском ветру погрузить лицо в жар было бы приятно, кабы при этом я ни дрожал от страха. Что, интересно, переживали в эту минуту Ефремов со товарищи, находившиеся тогда под защитой флейты?

Чувство времени исчезает, будто во сне. Зато появляется почти осязаемое ощущение враждебности. Нечто похожее можно испытать, войдя в комнату, где сидят сплошь твои недоброжелатели: внезапно смолкшие разговоры, взоры исподлобья, недвусмысленные переглядывания и покашливания. И неважно, что сейчас я погружен в непроглядную муть, даром что разумную. Кажется, будто из нее таращатся тысячи пар злобных глаз, и тысячи оскаленных пастей только и ждут, чтобы впиться в меня несметным количеством острых зубов. И все это – вкупе с обжигающим лицо жаром. Жаром, от которого невозможно скрыться, как от дьявольского котла в финале многогрешной жизни...

– Спокойно, брат! Не вздумай отключиться! – тормошит меня Скептик, заметив, как от жара и давящей на психику атмосферы мое сознание слегка помутилось. – Мне вон тоже дермово, но я же не расклеиваюсь!

– Тебе-то о чем переживать? – бормочу я, встряхнув головой, чтобы прогнать наваждение, и еще крепче хватаюсь за перила площадки.

– Да уж есть о чем! – отвечает братец с довольно редким для него ненаигранным волнением. – Какая-то настырная тварь пытается заставить меня потесниться, чтобы втиснуться в нашу голову! Эй, неужели только я один это чувствую?

– И каковы успехи у этой твари? – осведомляюсь я. Разговор – это именно то, что мне сейчас нужно. Когда беседуешь, меньше реагируешь на происки Души Антея, которая, похоже, не теряет надежды заполучить надо мной контроль.

– Хрен ей с чесночным соусом! – злорадно цедит Скептик через свои несуществующие зубы. – Место занято! Капать тебе на мозги – это моя законная прерогатива, которой я не намерен делиться с какой-то там *Mantus sapiens*. Пусть поищет себе другую башку для проживания, а в нашей ей ничего не обломится – прямо так я этой стерве и заявил!

– Душа Антея – она что, с тобой говорила? – удивляюсь я.

– Нет, конечно, это просто к слову. Хочет тихой сапой в дамки прокрасться! Не на того напала! Я – существо миролюбивое, но своего уступать не привык! Пусть ты, брат, и не семи пядей во лбу, но клянусь: я готов сражаться за каждую эту пядь до последней капли нашей крови!

– Хорош паясничать, – отмахиваюсь я. – Лучше скажи, как сейчас обстоят дела на твоём фронте.

– Враг отступил, но, сдаётся мне, ненадолго, – докладывает незримый страж моих ментальных рубежей. – Похоже, мне удалось его ошеломить, однако вряд ли Душа Антея сдастся так легко.

– Кто бы сомневался! – ворчу я. Настроение у меня остается мрачным, но боевой дух после выигранной нами схватки малость повышается. Многообещающее начало, чего там гово-

рять. Оказывается, я вполне могу обойтись и без флейты. Остается выяснить, как долго я провоюю без поддержки вооруженного до зубов спецназа.

Из десяти выстроенных некогда по периметру «Кальдеры» подъемных устройств ныне функционируют всего четыре. Остальные вышли из строя по разным причинам, бывало, и вовсе обрываясь подобно рыболовным снастям. Предполагается, что в этих случаях платформы цеплялись за невидимые в тумане, торчащие из склона камни и обломки. Но иногда дежурившие на подъемнике солдаты уверяли, что перед обрывом тросов те вдруг резко уходили в сторону, словно платформу, как наживку, заглывало чудовище размером с кита. Правда это или всего-навсего солдатские байки, можно было убедиться, лишь узрев такой инцидент воочию. Добиться же объяснений от изредка вытаскиваемых на поверхность кальдерцев нельзя. Все они мало чем отличаются от вернувшихся из экспедиции охранников Ефремова.

По этой же причине никто сегодня не чинит сломанные подъемники, поскольку за последние полтора месяца больше ни один кальдерец не пожелал ими воспользоваться. Разбросанные над «Кальдерой» с вертолетов тысячи ярких контейнеров-вымпелов со схемой расположения эвакуаторов, аптечкой, ракетницей и инструкцией, как посылать сигналы дежурившим наверху солдатам, не привлекли ни единого сохранившего разум горожанина (кое-кто в антикризисном Комитете до сих пор надеется, что таковые еще остались). Все спасенные кальдерцы были вытащены из впадины во время дежурных подъемов платформ, производимых четыре раза в сутки. Сначала солдаты подавали громкую предупредительную сирену, потом начинали медленно приподнимать платформу и уже затем включали лебедку на полную мощность. Примерно раз в неделю улов оказывался удачным. Один, а бывало, и два носителя Души Антея забирались в подъемник то ли случайно, то ли и впрямь желая выбраться на поверхность. Правда, все они вскоре начинали звереть, после чего их переправляли на военную базу вблизи Бердска и запирали в просторном общем бункере, где несчастных безуспешно пытались лечить и кормить.

Одержимые кальдерцы категорически не притрагивались к воде и пище, не отправляли естественные надобности, не спали и не разговаривали друг с другом; разве что воздухом дышать не прекращали. Формально их продолжали считать людьми, хотя любой полноценный человек на их месте давно умер бы от голода и обезвоживания. Охрана, не мудрствуя лукаво, прозвала своих подопечных «зомби», что в целом было недалеко от истины. Только кальдерцы не разлагались, как ходячие трупы, а, напротив, пребывали в отличной физической форме и обладали феноменальными ловкостью и силой.

На сегодняшний день в том бункере скопилось сорок два молчаливых и отменно сохранившихся зомби. Больше извлечь из «Кальдеры» не удалось никого. Подъемники продолжают работать в дежурном режиме, но если ломаются, то починкой их уже никто не занимается. Недавно антикризисный Комитет скрепя сердце официально поставил крест на тех новосибирцах, что продолжают находиться под покровом разумной мантии. В конце концов, все они приняли добровольное решение остаться в городе, отказавшись эвакуироваться по тем или иным личным мотивам. Армейские спасательные команды колесили по покинутому Новосибирску аж до самого «судного дня», предлагая мешкающим гражданам помочь с переездом на безопасную территорию. Многие из упрямцев в итоге передумали и согласились. Впрочем, несогласных тоже насчитывалось немало.

Со времени ефремовской экспедиции туманный слой в «Кальдере», кажется, не претерпел изменений. Платформа, а вместе с ней и я выныриваем из горячей белой мглы, когда до дна остается еще довольно приличное расстояние. Памятуя наказ генерала, я извлекаю ракетницу и выпускаю вверх зеленую «сигналку». Она тут же скрывается в непроглядной пелене и, надо полагать, пролетает сквозь нее подобно сигнальным ракетам Ефремова. Что ж, теперь можно

и осмотреться. И не забыть подготовить на всякий случай красную ракету – вдруг на дне меня уже поджидает местный комитет по встрече.

«Что бы ты внизу ни увидел – ничему не удивляйся, – напутствовал меня Верниковский перед спуском. – Новосибирска больше нет. Все, что осталось от него, – лишь призрак. Поэтому лучше заранее смиришься с этим, чтобы потом, в «Кальдере», ты не был шокирован, не раскис и не пустил себе пулю в лоб».

«Разруха – что там еще может быть? – думал я, настраиваясь узреть наяву самую мрачную из своих подготовительных фантазий. – Сплошные руины да груды мусора. Чего еще ожидать от мертвого города?»

Однако открывшаяся с высоты в две с лишним сотни метров панорама лишь отчасти вписывается в рамки моего воображения. И опять слова Льва Карловича подтвердились: внизу царит скорее запустение, чем разруха, и в руины обращено от силы одно из десяти зданий. Остальные выглядят еще куда ни шло, если не считать выбитых окон, растрескавшихся стен, осыпавшихся, словно сброшенная змеиная чешуя, облицовочных панелей и перекошенных вывесок. Хотя поручаться за устойчивость этих построек я бы, естественно, не стал.

Погода в отрезанном от солнца мире «Кальдеры» действительно напоминает пасмурный осенний вечер, хотя снаружи в этот час стоит солнечный январский полдень. Здесь же на всем обозримом пространстве я не обнаруживаю ни одного, даже маленького сугроба. Да и климат значительно теплее – сказывается, видать, устроенный горячей Душой Антея парниковый эффект. Когда на нее сверху падает снег, она, должно быть, превращает его в дождь или изморось. Так что с погодкой мне подфартило. Небось в дождливые дни тут и впрямь можно от тоски застрелиться.

Рассмотреть округу во всех подробностях мешает сумрачная атмосфера, но местность внизу мне знакома. Или, точнее сказать, была знакома прежде. Сегодня я узнаю ее, будто одноклассника, с которым не виделся, как минимум, лет двадцать. Платформа везет меня на берег неширокой реки Ини – правого притока Оби, раньше служившего границей между Октябрьским и Первомайским районами. Я должен ступить на землю в Первомайке – именно ее разделяет надвое стена «Кальдеры» и именно отсюда отправилась в свое недолгое путешествие экспедиция Ефремова. По левую руку, вниз по течению Ини, виднеется уцелевший железнодорожный мост. Сама перерубленная разломом магистраль упирается в склон точно подо мной, а продолжается уже тремястами метрами выше, у меня над головой. Везущий меня в неизвестность подъемник установлен верниковцами как раз на подходящих к обрыву рельсах.

Академик недаром отправился по этому маршруту из всех ему доступных. Гораздо удобнее двигаться к центру круглой впадины по железной дороге, чем продирается через разрушенные городские кварталы, тем паче что центр «Кальдеры» так и так располагается в районе железнодорожного вокзала «Новосибирск-Главный». Насколько бы ни пострадал город, выбранный Ефремовым путь пролегал по рельсовой насыпи, а уж она-то наверняка уцелела. Сойти с такого надежного маршрута первопроходцы теоретически не могли. А судя по тому, как скоро вернулись на поверхность выжившие спецназовцы, экспедиция потерпела неудачу где-то на том берегу Ини. То есть километрах в двух-трех от подъемника.

По правую руку от меня гудит вдалеке Инской водопад, сравнимый с далеким Обским только по высоте, но не по мощи. Грохот от падения некогда спокойной речки со склона тоже стоит приличный. Но поскольку Иня низвергается в «Кальдере» далеко от железной дороги, облако водяной пыли не мешает мне изучать окрестности.

Вот будет здорово, обнаружь я останки погибшей экспедиции сразу за мостом. Проводить дотошное расследование причин ее гибели меня не обязывали, поэтому хватит и беглого осмотра места происшествия. Верниковского в первую очередь волнует ефремовский контейнер, а значит, как только он будет найден, я схвачу его под мышку и – бегом обратно. Раз уж

этот груз так важен, стало быть, нечего искушать судьбу, разгуливая с ним по населенному психопатами городу.

Приятно думать о том, что уже к обеду я могу честно заработать обещанную мне награду. К тому же, сколько я ни присматриваюсь, так и не вижу внизу ни одной живой души. Прибрежные кварталы Первомайки кажутся пустынными, и это вселяет надежду, что по возвращении я сдам оружие с непочатым боезапасом. Стрелять по бывшим согражданам, пусть и в целях самообороны, мне претит.

Выискивая на загроможденных обломками и прочим хламом улицах потенциальных врагов, я как-то упускаю из виду воздушное пространство между туманным барьером и крышами торчащих вдоль железнодорожного полотна многоэтажек. И потому замечаю летящий ко мне со стороны реки объект, когда тот оказывается совсем близко. Вздрогнув и выругавшись от неожиданности, я, однако, не вскидываю автомат, потому что моментально узнаю летуна.

Уж кому-кому, а мне не узнать его просто стыдно: инженерный кибермодуль «Чибис», предназначенный для высотных работ вроде ремонта флай-антенн или возведения горных переправ. Может вдобавок производить разведку, но, в отличие от настоящих летающих киберразведчиков, «Чибис» слишком крупный и медлительный. Зато со своими непосредственными функциями он справляется превосходно. Оснащенный двумя беззвучными минитурбинами Тельмана, этот модуль обычно снаряжается монтажным оборудованием или, в крайних случаях, компактным пулеметом с облегченным боекомплектом. Из манипуляторного отсека приближающегося «Чибиса» не торчит пулеметный ствол, следовательно, кибермодуль используется по прямому назначению. Но кто его контролирует, хотелось бы знать?

Откуда он тут взялся, можно догадаться. Группа Ефремова привезла с собой в «Кальдеру» пару отключенных кибермодулей, намереваясь проверить, станут ли они здесь работать и если нет, сразу же отправить их наверх обратным рейсом. Платформа тогда вернулась пустой, а значит, вспомогательная техника была все-таки активирована. Но ее оператор находился в семерке выживших, и теперь управление его «Чибисом» осуществляет тот, у кого имеются при себе ключи и коды от пульта. Доступ к нему, в принципе, мог получить каждый из пропавших четырех участников экспедиции. Но раз они еще живы (или, как минимум, один из них), почему не выберутся из «Кальдеры» с дежурным рейсом платформы? Неужели Душа Антея взяла их в оборот и не отпускает наверх? Хотя, может статься, с «невозвращенцами» все в порядке и они нарочно оставили своего летуна возле подъемника, дабы он передал послание тому, кто прибудет по их следам.

Или не послание, а завещание – и такое не исключено.

Объективы кибермодуля нацелены на платформу, и я приветливо машу ему рукой, надеясь, что оператор меня видит. «Чибис» мог послужить посредником в нашем общении – стандартный голосовой коммуникатор у него имеется. Но вместо того, чтобы установить со мной контакт, модуль, не останавливаясь, расправляет посадочные фиксаторы и с ходу прицепляется ими к главному тросу подъемника. После чего выпускает из технического отсека манипулятор с лазерным резаком и, фигурально выражаясь, берется пилить сук, на котором сидит.

– Какого черта ты творишь, сукин сын?! – ору я. Как чуял, что странный «Чибис» отчебучит нечто подобное, но до последнего момента отказывался в это верить. Я был готов к враждебному приему, но не предполагал, что первый же встреченный мной противник окажется агрессивным кибермодулем.

– Кто-то хочет привлечь твоё внимание, брат. Намекает, что нам здесь не место, – язвит Скептик, видимо, находя нашу ситуацию забавной.

– Ничего себе шуточки! – Я гляжу сначала вниз, потом – на режущего трос робота. До земли остается около полутора сотен метров – это примерно три минуты спуска, – а лазер «Чибиса» способен пережечь толстый стальной канат секунд за тридцать. Нам предстоит падать с большой высоты на железнодорожную насыпь. Но даже находишься под нами

река, вряд ли я сумел бы благополучно приводниться в полном боевом снаряжении без парашюта. А кибермодуль делает свою коварную работу, роняя на платформу капли расплавленного металла, будто слезы. Самые горячие слезы из тех, какими только умеют плакать машины.

Я мог бы расстрелять «Чибис» из автомата – обшивка на летающих инженерах легкая и выдерживает лишь касательные пулевые попадания. Но пока я продырявлю ее и разнесу кибермодуль внутренности, он ослабит трос настолько, что тот под весом платформы все равно лопнет раньше, чем она опустится на безопасную высоту. Приходится действовать по наитию: вешать автомат на шею, а затем подпрыгивать и крепко хвататься обеими руками за один из посадочных фиксаторов модуля.

Гибкое механическое щупальце с крепежным зажимом на конце опутывает трос подъемника крепко, как лиана, и потому не отцепляется под весом моего тела. «Чибис» тут же реагирует на мою выходку, пропустив через обшивку электрический разряд. Но в выданных мне наряду с прочей амуницией горнострелковых перчатках я могу без последствий хвататься хоть за два высоковольтных провода сразу, так что встряхнуть меня электротоком кибермодуля не удастся. Впрочем, он владеет и другими приемами самообороны. Армейские образцы такой техники запрограммированы всячески защищать себя от вандалов.

Без лишней скромности замечу, что я тоже не зря ел все эти годы свой хлеб инженера и знаю уязвимые места своих подопечных. Не дожидаясь, пока «Чибис» полоснет по мне лазером, я подтягиваюсь и вцепляюсь одной рукой в манипулятор резака, будто змеелов, хватающий за шею гадюку, а потом резко заламываю коленчатый держатель назад. Это не требует от меня запредельных усилий. На оперирование резаком у кибермодуля уходит совсем мало энергии, поэтому и сервомоторы на манипуляторе стоят слабенькие.

Опасаясь поломки, робот незамедлительно отключает резак и, втянув его назад, в отсек, закрывает на нем диафрагменную заслонку. Однако той секунды, что я владею манипулятором, вполне хватает, чтобы лазер угодил в объективы, прошел через несколько линз и выжег кое-какую важную электронную начинку. Будь «Чибис» боевым модулем, у него взамен вышедшего из строя сенсорного блока мгновенно заработал бы резервный. Но у простых инженеров такой страховки нет. Слепленному мной кибермодулю остается лишь задействовать аварийный автопилот, обзаянный вернуть поврежденную технику на базу.

Фиксаторы «Чибиса» отцепляются от троса, когда надрезанные жилы начинают под весом платформы лопаться и расплетаться, словно быстро распускающееся колючее соцветие. Последний их пучок разрывается с хлестким металлическим щелчком, после чего тугая оборванная двухсотметровая «струна» стегает по склону подобно плети какого-нибудь мифического исполина. Не будь стена «Кальдеры» обращена в монолит, наверняка лопнувший трос породил бы обвал. А так он лишь чиркает по камням, высекает сноп искр и раскачивается туда-сюда гигантским разболтанным маятником. А платформа падает вниз, грохоча о склон, кувыряясь и рассыпаясь прямо на лету.

Но мне уже не до нее. Я борюсь с «Чибисом», как пушкинский Руслан, вцепившийся в бороду несущего его по небу Черномора. Кибермодуль, в свою очередь, старается всячески избавиться от неожиданного балласта – восьмидесятикилограммового человека при полной солдатской выкладке. Грузоподъемность инженера значительно меньше, отчего его полет продолжается уже по нисходящей траектории. Посадочный фиксатор, за который я держусь, вырывается у меня из пальцев с яростью схваченного за жабры угря. Но благодаря опять же моим горнострелковым перчаткам я могу не только укротить строптивую конечность робота, но и при необходимости карабкаться даже по скользкой сосулке. Вшитые в перчатки и питающиеся теплом человеческого тела, «умные» нановолокна обеспечивают идеальное сцепление рук практически с любой поверхностью, мгновенно трансформируясь и подстраиваясь под ее структуру.

Пользуясь этим преимуществом, я берусь нарочно раскачиваться на фиксаторе, как мартышка на лиане. Разумеется, не от желания покуражиться – я и без того едва дышу сейчас от страха. Просто лишняя болтанка вынуждает «Чибис» тратить много энергии на удержание равновесия и снижает таким образом активность, с которой он сопротивляется. Помимо электричества следует опасаться других щупалец-фиксаторов, которыми робот размахивает, пытаясь нанести мне увечья. И, конечно, лазерного резака, коим он также может воспользоваться несмотря на то, что ослеплен.

Работающие на пределе минитурбины Тельмана несут кибермодуль по воздуху прямо на многоэтажки, и это мне здорово не нравится. Перегруженный «Чибис» перемахнет лишь через два или три здания, не больше. Их же на нашем пути выстроилось полдюжины, а между ними – узкие каньоны-дворы, засаженные березками и липами. Врезавшись в стену дома, кибермодуль сорвется в пике, а я шмякнусь на аллею, будто выбросившийся из окна «прыгун» – типичная жертва кризисного лихолетья. Выбор небогат: или соскакать с моего конька-горбунка на ходу, при пролете над крышей здания, или тянуть до последнего в надежде на чудо, что у робота останется энергия на худо-бедно мягкую посадку.

Полагаться на второе все равно что, выйдя на боксерский поединок, ждать, когда твой противник споткнется и, стукнувшись головой о ринг, сам отправит себя в нокаут. Поэтому я решаю прибегнуть к рискованному десантированию, хотя опасаясь, что умру от разрыва сердца сразу, как только отцеплюсь от кибермодуля. Но будь что будет, ибо хуже для меня не может быть один черт.

Над первой многоэтажкой мы проносимся на довольно приличной высоте. Я остерегаюсь прыгать сейчас, так как не уверен, что, во-первых, сумею вообще попасть на крышу, а во-вторых, что не разобьюсь, если даже повезет совершить точную посадку. Зато следующий шанс нельзя упускать ни под каким предлогом, ибо третьей попытки может и не представиться.

Заорав во всю глотку, как сброшенный в Рейхенбахский водопад профессор Мориарти, я, учитывая скорость «Чибиса», разжимаю пальцы на подлете к очередной многоэтажке – разумеется, не забыв про инерцию, которая неминуемо окажет мне медвежью услугу после приземления. Поэтому первые секунды моего падения выдаются воистину жуткими. Я с криком лечу над пропастью, гляжу, как приближается спасительный край крыши, и в панике думаю, что сторяча ошибся в расчетах и не дотяну до цели каких-нибудь пару метров. Или, что еще обиднее, – сантиметров. И пусть с глазомером у меня всегда был полный порядок, кто знает, насколько притупились мои инстинкты после долгой больничной изоляции.

Если и притупились, то ненамного. Я касаюсь ботинками крыши сразу за парашютом и, памятуя все пережитые мной на футбольном поле падения, сразу кувыркаюсь через плечо. Это должно погасить инерцию, и непременно погасило бы, падай я немного помедленнее (хотя не факт, что тогда мне вообще удалось бы перемахнуть через парашют). Разгоряченный и перепуганный, я удачно подгадал момент для прыжка, но не учел скорость своего столкновения с кровлей. Амортизирующий перекат помогает не свернуть себе шею и только. А дальше все идет наперекосяк.

Я кувыркаюсь, но набранная мной скорость остается слишком большой, чтобы уверенно встать на ноги. Сделай я подряд еще парочку перекатов, и мой самый лихой трюк в жизни прошел бы без сучка без задоринки. К сожалению, мне банально не хватает сноровки. Я опаздываю сгруппироваться и вновь грохаюсь на крышу, а затем качусь по ней, едва успев прижать к груди автомат, дабы тот не потерялся.

Защищенная шлемом голова несколько раз трескается о кровлю так, словно я отбиваю макушкой целую серию пенальти, – крепко, болезненно, но терпимо. Легкий бронежилет, налокотники и наколенники также оберегают тело от сильных ушибов, хотя мягким тканям рук и ног приходится несладко. Я качусь по крыше словно сброшенный со склона горы и, стиснув

зубы, молюсь, чтобы мир наконец обрел устойчивость и перестал мельтешить перед глазами грязно-серым калейдоскопом.

Находящийся в центре крыши стеклянный купол я заметил еще с воздуха. Моему приземлению этот «пузырь» не препятствовал. Его верхушка выступает над крышей не выше колена, а края покатые. Говоря языком геометрии, форма купола представляет собой не полусферу, а малый сегмент большого шара – нечто наподобие срезанного краешка яблока. Пробить крепчайшее кровельное стекло я могу лишь свалившись на него с кромки обрыва «Кальдеры». Поэтому переживать о крепости крыши не резон, а тем более крыши дома, построенного в нашем веке. Вот только не нужно забывать, что дом этот пережил недавно серьезный катаклизм и может развалиться в любую минуту.

Я налетаю на купол, будто шальная муха на лобовое стекло автомобиля. После чего выясняю, что лишь меня и недоставало «пузырю» до обрушения. Не успеваю я порадоваться, что мое падение завершено, как оно тут же возобновляется. Пусть не так стремительно, но это ничуть не умаляет его опасность.

Треск, звон, короткий полет, а затем очередное болезненное столкновение с чем-то упругим, но более мягким, нежели кровля... А потом – наконец-то вожделенный покой! Им хочется наслаждаться долго, радуясь каждому мгновению воцарившейся тишины. Разве что лежать на отбитой спине неудобно да саднит порезанная осколком стекла щека. Ну и для полного счастья хорошо бы еще созерцать при этом звездное небо, коим я так и не успел всласть налюбоваться по выходе из психушки... И, похоже, теперь долго не полюбуюсь. Потому что какой-то псих натравил на меня «Чибис» и отрезал кратчайший путь к отступлению. Благо, самого не успел прикончить. А ведь именно к этому неведомый враг и стремился! Надумай он просто уничтожить подъемник, обрезал бы трос в любое другое время – платформа дежурила на дне «Кальдеры» в режиме ожидания по двадцать часов в сутки.

С момента, как я пересек туманный рубеж и до окончания моего трюкачества, миновало не более пяти минут. Однако после каскада умопомрачительных приключений мне чудится, что они длились, как минимум, час. И когда я, кряхтя и бранясь, принимаю-таки сидячее положение, оставшийся за пределами «Кальдеры» мир видится мне далеким и недостижимым, как международная марсианская база «Миротворец-1». Все надежды на скорое возвращение растаяли как дым, а будущее не обещает ничего, кроме мрачной неопределенности. Отвратительный настрой перед опасной работой, ну да что ж поделать? Верниковский не гарантировал, что все пройдет как по маслу. Это я в преддверии обещанной реабилитации настроил себе радужных перспектив и теперь переживаю их вполне предсказуемый крах.

Здание, в которое меня занесла нелегкая, является многоквартирным жилым комплексом. На верхнем его этаже оборудован центр разнообразного досуга: диваны, кресла – обычные и с мультимедийными приставками для Интернет-развлечений, – телепанно, бар, виртуальный симулятор пинг-понга и мини-гольфа, непрременный для таких уголков киберстюард... Повсюду – зеленые (ныне – засохшие) насаждения и прочие украшения вроде фонтанчиков, аквариумов и скульптурок в духе кичливого межкризисного ренессанса. Под куполом, куда меня угораздило провалиться, располагается детский манеж. Поэтому, когда я очухиваюсь, первым делом замечаю вокруг себя улыбающиеся мягкие киберигрушки, которые будто насмеются над моим глупым потрепанным видом. Мне следует поблагодарить того дизайнера, что устроил детскую площадку именно здесь, а не где-либо еще. Все могло завершиться куда трагичнее, грохнись я, к примеру, в мраморный фонтан или на одну из скульптур.

– Я горжусь тобой, брат, – подает голос Скептик, которому мои отбитые бока не причиняют совершенно никаких неудобств. – Ведь можешь соображать быстро и без подсказок, когда это нужно! Вот что значит моя школа!

– Что ты обо всем этом думаешь? – спрашиваю я, ощупывая порезанную щеку.

– Думаю, зря мы покинули нашу теплую уютную палату, – сетует братец. – Хотя какой смысл впадать в ностальгию, коли ты уже приперся сюда в поисках приключений на свою задницу!.. Кстати, ты обратил внимание, что на панели мануальных настроек кибермодуля не было операторской метки? Даже стандартной, которая выставляется автоматически, если вместо штатного оператора на его оборудовании работает кто-то другой.

– Вообще-то мне было некогда рассматривать панель «Чибиса», – отвечаю я, поднимаясь на ноги. От пережитого меня трясет, но зайкой я вроде бы не стал. – Однако отсутствие метки – это что-то новенькое. А тебе случаем не померещилось?..

Я достаю из аптечки антисептическую салфетку и стираю со щеки кровь. После чего выдавливаю из тюбика на ходящую ходуном ладонь чуть-чуть хирургического клея и аккуратно замазываю порез. Кровотечение тут же прекращается, боль сменяется приятным ментоловым холодком.

– Из нас двоих лишь ты страдаешь галлюцинациями, – огрызается Скептик. – А я вижу и слышу только то, что происходит в действительности. И если говорю, что у «Чибиса» не было метки, значит...

– Ладно, верю: не было, – поспешно соглашаюсь я. – И что, по-твоему, это может означать?

– Будто сам не догадываешься! Да этот хренолет, по идее, вообще не должен был взлететь, а не то, чтобы при этом еще на людей кидаться!

– Неважно, – отмахиваюсь я, планируя поразмыслить над этой загадкой позже, когда нервы успокоятся. – Главное, «Чибис» от нас отвязался и теперь вряд ли вернется. Видел, как я ему сенсоры прижег? Повезет, если до базы дотянет... Что за дьявольщина?!

От неожиданности я пячусь и опять едва не грохаюсь на манеж под беззвучный смех киберигрушек. Да и как не испугаться, если упомянутый мной «хренолет» взял и вдруг нарисовался в проеме разбитого купола!

Да, это тот самый «Чибис»: вон, и краска обгорела там, где я чиркнул резак по обшивке. Но разве возможно, чтобы кибермодуль с поврежденным сенсорным блоком не полетел на базу по сигналу радиомаяка, а продолжил выполнять боевую задачу? А ведь этот летун неспроста сунулся в проломленную мной дыру. Он все еще ищет меня, чтобы доделать свою незавершенную работу. Работу, которую таким «Чибисам» поручают крайне редко, поскольку для ее выполнения в войсках существуют специально запрограммированные кибернетические убийцы.

Впрочем, насчет сожженного сенсорного блока я могу заблуждаться. Не исключено, что тот все-таки уцелел. Иначе как еще кибермодуль вычислил бы мое местонахождение? Но прежде чем агрессивная машина устремляется ко мне, случается еще одно необъяснимое происшествие, которое повергает меня в замешательство.

Едва «Чибис» влетает в здание, как оно моментально преображается до неузнаваемости. Я бы даже сказал, оживает, поскольку до этого выглядело совершенно вымершим: тихим, темным и медленно разваливающимся. Однако не успевают мои глаза привыкнуть к полумраку, как его вмиг разгоняют вспыхнувшие ярким светом потолочные и настенные лампы. При чем загораются не только они, а также подсветка заросших плесенью аквариумов, индикаторы на мультимедийных приставках, голографические меню игровых симуляторов и экраны телепанно. Последние, естественно, ничего, кроме помех и шипения не демонстрируют, но и это уже является незаурядным происшествием.

Еще через мгновение эстафету подхватили кондиционеры и фонтанчики, правда, струйки из них били грязные и слабенькие. Из скрытых в стенах колонок полились тихая музыка и птичье щебетание. Киберигрушки в манеже дружно задвигались, заморгали, начали корчить забавные гримасы и наперебой залепетали что-то мурлыкающими голосами.

Мертвыми остаются лишь засохшие растения да рыбки в аквариумах – на них чудо всеобщего пробуждения, увы, не распространяется. Из-за этого пустынный центр досуга выглядит вдвойне жутко: этакая сюрреалистическая интерпретация пира во время чумы, расцветенные огнями декорации и звуки невидимого оркестра в заброшенном театре... Я ошарашенно пялюсь по сторонам, пытаюсь высмотреть того шутника, который повернул ручку давно выключенного рубильника и запустил это диковинное шоу. Шутник предпочитает пока держаться в тени, хотя я уверен, что он меня не боится.

– Так вот он какой, настоящий дурдом, а я-то думал! – комментирует увиденное Скептик, после чего любопытствует: – И долго ты еще собираешься так стоять? Или думаешь, раз музыка заиграла, значит, нам тут рады? Хватит глазеть по сторонам! Давай проваливать отсюда, пока не началось...

Мне лишь остается с ним согласиться. А вот киберстюард – высотой с журнальный столик и напоминающий тумбу робот на колесиках, – наше мнение не разделяет. Ожив вместе с прочей техникой, он поначалу катит в сторону мини-бара, но затем резко разворачивается, мгновенно набирает скорость (и не подозревал, что модули-официанты способны на такую прыть), преодолевает разделяющее нас расстояние и, вытянув поднос, с разгону бьет им мне в живот. Будь я начеку, наверняка увернулся бы, но, поскольку все мое внимание приковано к «Чибису», выпад его гражданского собрата я проворонил. Бронежилет смягчает удар, и все равно киберстюард сбивает меня с ног. Я врезаюсь лопатками в стену, а воинственный робот откатывается назад и, взяв новый разгон, идет в повторную атаку.

– Ну вот, началось! – обреченно констатирует Скептик.

Благо, весу в тумбе на колесиках на порядок меньше, чем в бронированных армейских машинках такого же класса. Теперь шустрый малыш собирается, не иначе, отсечь мне подносом голову. Но я уже смекнул, кому пособничает робот, и встречаю его хорошим пинком по корпусу.

Развозящие напитки киберстюарды довольно устойчивы, но на подобные удары все же не рассчитаны. Раздается треск пластика, и маленький агрессор, задрав шасси, валится набок, после чего начинает усиленно вращать колесами и моргать индикаторами, явно давая понять, что бой не окончен. Но как ни рвется киберстюард взять реванш, как ни грохочет в ярости подносом об пол, встать без посторонней помощи ему не под силу. А я, вскочив на ноги, вдобавок разбиваю прикладом сенсорный блок, хотя что-то подсказывает мне: как и в случае с «Чибисом», это не сработает.

Кибермодуль же тем временем засекает нашу возню и, неуклюже лавируя между засохшими пальмами и фикусами, летит к нам, чтобы вступить за обиженного собрата. Далеко не самый уродливый среди военных кибермодулей, в центре культурного досуга «Чибис» смотрится не лучше, чем танк на ярмарке цветов. Бронированный летун раздувает минитурбинами опавшие сухие листья и приближается ко мне с недвусмысленными намерениями. Фиксаторы «Чибиса» подцепляют с пола массивное кресло, которое враг тут же использует как метательный снаряд. За неимением у кибермодуля дальнобойного оружия, ему приходится импровизировать на ходу. С чем он, несмотря на свою ограниченную боевую программу, неплохо справляется.

Какие только предметы домашнего обихода порой не швыряла в меня жена во время наших с ней скандалов, но на войну тяжелой мебелью у нее сил не хватало. И слава богу! Сроду не подумал бы, что мягкое и на вид такое безобидное кресло способно нести смерть и разрушение. Пролетев через половину зала, оно сокрушает на своем пути пару аквариумов, пальму в кадучке, скульптуру играющего со щенком мальчика и автомат по продаже соков. Последним в этом перечне должен значиться я. Но вражеский снаряд мчится все же не так стремительно, чтобы бывший футболист не сумел от него увернуться.

Промахнувшись, «Чибис» тем не менее отыгрывает несколько секунд, чтобы подобраться ко мне еще ближе. Однако свой шанс разделаться со мной он упустил. Не дожидаясь, когда кибермодуль включит лазерный резак, я хватаюсь за стоящую рядом со мной тяжелую стелу с каким-то вымпелом и валю ее на подлетающего робота. Стела ударяет его по турбинной консоли, вынуждая резко накрениться влево и врезаться в телепанно. Осыпанный осколками и сбитый с толку враг замирает на месте, собираясь развернуться и достать-таки меня, маячащего от него всего в трех шагах. Но я предпочитаю вместо бегства разнести правый двигатель «Чибиса» короткой очередью из «АКМ».

Реактивная струя уцелевшей минитурбины переворачивает лишившегося баланса летуна в воздухе и роняет его на пол, содрогнувшийся от встряски. Автоматика кибермодуля быстро вырубает уцелевший двигатель, но, пока его обороты падают, «Чибис» с лязгом пронесется вдоль стены, выкашивая засохшую мимозовую рожицу. Я страшусь, что подбитая машина развалит и без того ненадежное здание. Но дом стойко переносит и это потрясение. Лишь несколько окон разбивается от грохота, да где-то на нижнем этаже с потолка со звоном срывается люстра.

Лежащий вверх тормашками «Чибис», как и киберстюард, не желает признавать свое поражение. Выпустив щупальца и рабочие манипуляторы, «Чибис» бестолково размахивает ими, став похожим на шевелящую волосами-змеями, отрубленную голову Медузы Горгоны. Будь я проклят, если этот раскуроченный кусок металла не пытается встать, чтобы продолжить со мной бой на земле! Просто уму непостижимо! Да что здесь, в конце концов, такое творится?..

– Пр-р-ривет! – раздается слева от меня радостный голосок, искаженный до комичной хрипотцы так, словно говоривший обращался не ко мне, а к ребенку. – Меня зовут Р-робин! Я – добр-р-рый! Давай др-р-ружить!

Я судорожно оборачиваюсь и шарахаюсь назад: ко мне шагает вразвалочку полуметровый говорящий медведь – мохнатый, толстый и неуклюжий. И идет он не один. За ним уверенно марширует целая орава киберигрушек. Многие из них также берутся приветствовать меня нестройным хором, как только я обращаю на них внимание. Пестрые клоуны, дружелюбные тигры, веселые гномы и прочие обитатели манежа, заброшенные своими маленькими хозяевами, тянутся ко мне, как будто хотят пожаловаться на нынешнюю унылую жизнь. Все они выбрались из детской площадки через брешь, сделанную мной при падении с крыши. А вот зачем они так поступили, я догадываюсь, когда вновь гляжу на поверженного киберстюарда, мимо которого топает эта компания.

Милые и пушистые друзья детей тоже подверглись дурному влиянию уничтоженных мной роботов. Не иначе инициатор сего безобразия натравливает на меня всех кибермодулей, с какими я сталкиваюсь. На что, спрашивается, надеется этот тип, посылая в бой армию мягких игрушек, не способных причинить вред ни ребенку, ни тем более взрослому?

Коварный призыв медведя Робина «давай дружить!» не вводит меня в заблуждение, однако любопытно, как этот увалень намерен со мной расправиться. Когтей у него нет, а лапы не удержат даже самое примитивное оружие. Как и прочие кибернетические игрушки, чьи конечности являются слабыми и безобидными. Оглянувшись и выяснив, что игрушечная атака не служит отвлекающим маневром для нападения другого, более опасного врага, я шагаю навстречу медведю и легонько тыкаю его стволом автомата в живот...

...И тут же зарабатываю удар мохнатой лапой в плечо! Не смертельный и даже не травмоопасный – примерно такой, как если бы в меня швырнули подушкой. Однако проведенный эксперимент наводит на нехорошие мысли. Это мне – взрослому человеку, – удар игрушечного медведя показался несерьезным, а вот годовалого ребенка «добрый Робин» мог бы запросто пришибить насмерть. Не верится, что в него изначально был заложен такой силовой потенциал. К чему он, скажите на милость, детской игрушке? Отсюда вывод: мой невидимый враг

перепрограммировал своих механических пособников, заставив их работать на износ с одной-единственной целью. Какой именно, думаю, объяснять не надо.

– Я – Р-робин! Я люблю мед! – признается косолапый злодей и замахивается для нового удара. Его пестрая клика ускоряет ход, также намереваясь навешать мне тумачков. Прикинув количество потешных, но готовых биться насмерть врагов, я с ужасом понимаю, что, если они накинута на меня скопом, их атака вполне может увенчаться успехом. Японский городской! Не хватало еще пасть жертвой игрушечного бунта! Да я быстрее окочурюсь от стыда, чем от побоев, нанесенных мне плюшевыми мишками.

– Пошел прочь, мешок с поролоном! – рявкаю я, отталкивая Робина. Несмотря на внушительные размеры, весу в нем мало. Расшвырвав в ярости остальные киберигрушки, я бросаюсь к выходу, дабы поскорее убраться из этого сумасшедшего дома...

Эх, если бы все было так просто! Стоило мне подбежать к ведущей на лестницу двери, как в здании включается пожарная сигнализация. Вслед за ней раздавшийся из динамиков бодрый и уверенный женский голос начинает призывать не паниковать, не приближаться к источнику огня и, по возможности, принять удобное сидячее положение.

Я чертыхаюсь. Последняя инструкция означает, что в здании установлена система пожаротушения на основе синтетического поглотителя огня «Фейертод». Эта штукавина на порядок эффективнее всех прочих методов борьбы с огнем, но пускай бы меня окатило сейчас водой или пеной. По крайней мере, так я еще сумел бы шустро удрать отсюда на улицу. На что при срабатывании «Фейертода» рассчитывать не приходится. Максимум, что я успею сделать, – это пробежать пару лестничных пролетов, поэтому не стоит и рыпаться. Уж лучше и впрямь сесть на диванчик и спокойно дожидаться, пока противопожарная система не отключится.

Но именно это меня и не устраивает. Отключение «Фейертода» происходит автоматически, а вся автоматика в этом доме находится под контролем враждебного мне кибероператора. Более того, я почти уверен, что пожарная сигнализация включилась по его приказу, а не сработала из-за аварии «Чибиса». Поэтому глупо рассиживаться в кресле, гадая, верны ли мои подозрения. Если здание оборудовано по последнему слову техники, значит, у меня в запасе есть еще один вариант отступления. Которому повелитель здешней электроники уже никак не воспрепятствует.

Я передумываю спускаться по лестнице и, развернувшись, бросаюсь к окнам. Но успеваю пробежать всего несколько шагов, после чего оказываюсь погребен под густой паутиной опутавших весь этаж тончайших синтетических нитей. Их выбросили из замаскированных в потолке гнезд специальные эжекторы. Процесс срабатывания «Фейертода» напоминает мгновенное и бурное разрастание плесени – не самое эстетичное, зато наиболее верное сравнение. Искусственная ярко-бирюзовая «плесень» вмиг заполняет собой все помещение от пола до потолка. Сверкай за окнами солнце, волокна пламегасителя выглядели бы и вовсе завораживающе. Но в полумраке «Кальдеры» их блеск почти незаметен и потому не впечатляет.

Человеку в этой ситуации угрожает одно: он попадает во временную изоляцию до тех пор, пока бирюзовая паутина не втянется обратно в гнезда. Она не цепляется ни к людям, ни к предметам, не портит одежду, не препятствует дыханию и не вызывает аллергии. Единственное, что привлекает «Фейертод», – это открытый огонь. Синтетический поглотитель устремляется к нему, облепляет плотным коконом расплавленных волокон и, лишив кислорода, уничтожает источник возгорания.

Прочность одной такой нити сравнима с прочностью человеческого волоса, но прорыв через слой пламегасителя отнимает столько усилий и нервов, что разумнее последовать инструкции и пересидеть пожарную тревогу в ближайшем кресле. Обычно борьба «Фейертода» с огнем длится не дольше минуты. Но поскольку сегодня это мирное изобретение стало для меня ловушкой, значит, будет негоже уподобляться той басенной мухе, которая понадеялась, что поймавший ее паук смилостивится и дарует ей свободу. Спасти не до конца увязшую в

паутине муху от смерти может только решительный целеустремленный рывок. Только прорыв к окнам дает мне шанс покинуть здание до того, как враг пришлет сюда новых, более расторопных киберохотников.

Стараясь не делать лишних движений, я вешаю автомат на плечо, потом отцепляю притороченный к ранцу универсальный складной тесак и приступаю к прокладыванию просеки в зарослях «Фейертода». Никакой суеты. Раз за разом я рассекаю хитросплетение волокон вертикальными разрезами, двигаясь по полшага в нужном направлении. Если при этом я запутываюсь в паутине, то не настолько, чтобы она удержала меня на месте. Полностью увязнуть в ней сложно, но спешка не даст мне преимуществ. Из-за нее я утрачу аккуратность – непереманный фактор успеха в такой кропотливой работе.

А поторопиться не мешает. С нижних этажей доносятся звуки, издаваемые, по всем признакам, другими кибернетическими обитателями здания. Ощущение сродни тому, какое испытываешь, находясь в школьном коридоре сразу после звонка, известившего об окончании урока. Вокруг пока безлюдно, но в классах уже слышен гомон и топот, а из дверей вот-вот появятся десятки учеников и мгновенно уничтожат царившую здесь доселе тишину. Поначалу насторожившие меня шумы не кажутся зловещими. Но спустя пару минут становится понятно, что они нарастают. Их источники явно не стоят на месте, а двигаются вверх по лестнице.

И не только по ней. Расположенный возле лестницы лифт внезапно раскрывает двери (я определил это также по характерному шуму) – надо полагать, он прибыл на этаж не пустым. Когда же вслед за этим слышится шорох, издаваемый шасси движущихся кибермодулей, мои догадки окончательно подтверждаются. Враг стягивает в центр досуга роботов со всего здания, планируя натравить их на меня, как свору гончих на загнанного оленя.

Судя по раздающемуся сзади треску синтетических нитей и натужно загудевшим сервомоторам, вторгшиеся на этаж охотники не собираются дожидаться, пока «Фейертод» будет отключен, и рвутся напролом ко мне. Что ж, вполне разумно. Сейчас я практически слеп и скован в движениях, в то время как кибермодули и продираются шустрее сквозь паутину, и могут за один заход прочесать весь этаж. И, поскольку я нахожусь поблизости, они обнаружат меня очень скоро. Как говаривал порой мой покойный дедушка: вот такая, блин, ситуевина...

Не знай я, что за мной гонится обычная киберобслуга, как есть подумал бы, что позади запутался в паутине и теперь рвет и мечет крупный зверь. Приходится ускорить темп, пусть это и не так-то просто. Но дующий из разбитых окон ветерок с каждым шагом становится все ощутимее. Я не отклонился от маршрута, и это обнадеживает. И все-таки кибермодули двигаются на порядок быстрее, с каждой секундой подбираясь ко мне ближе и ближе.

И мои нервы не выдерживают. Собрав в кулак все силы, я бросаюсь сквозь «тернии» к забрезжившему впереди свету, с треском раздирая опутывающую меня паутину...

...И чуть не выпадаю из окна, потому что именно в этот миг враг убирает пламегаситель. Бирюзовые нити исчезают, как узоры инея на стекле под дуновением теплого воздуха, только намного быстрее. Секунда – и упругий барьер растворился, словно его не было, а я падаю вперед, будучи не в состоянии удержаться на ногах. Но вместо меня из широкого – от пола до потолка, – оконного проема вываливается диван, который я ненароком толкаю и роняю с двадцатого этажа. Стекла на окне уже нет, и диван не встречает на своем пути преграды. Зато служит спасительной преградой для меня. Не останови он мой бег на краю пропасти, я сорвался бы вниз на радость своим врагам. Чего, естественно, не намереваюсь делать, пока в состоянии дать им отпор.

Возможно, повелитель роботов нарочно отключил «Фейертод» именно сейчас, дабы я оступился, а, возможно, решил просто-напросто ускорить ход событий. Ближе всех ко мне подобралась шесть приземистых роботов-мажордомов, которые прибыли сюда на лифте из парадного холла на первом этаже. Разномастная компания киберслуг, что поднялась по лестнице, еще только вырывается из вестибюля, но почти втрое превосходит авангард по числен-

ности. А я стою на краю оконного проема и осознаю, что, когда враги объединятся и скопом ринутся в атаку, автомат меня уже не спасет. Эти коротышки не представляют большой угрозы, нападая по одному. Но когда их суммарный вес равен тонне с гаком, стоять у них на пути – заведомое самоубийство.

Впрочем, я прорывался к окнам не за тем, чтобы повторить участь незабвенного профессора Плейшнера. Противопожарный комплекс «Фейертод» состоит не только из поглотителя огня, но и из уймы вспомогательных примочек, которые служат страховкой на случай, если пламегаситель не сработает. К таковым, в частности, принадлежит экстренный эвакуатор, встраиваемый с недавних пор в окна высотных зданий. Он-то мне сейчас и нужен.

Разыскать кнопку активации эвакуатора не составляет труда – на то она и аварийная кнопка, чтобы быть всегда под рукой. А точнее – под ногой. Долбанув каблуком по нужному выступу на плитусе, я привожу в действие телескопическую консоль, что выдвигается из скрытой ниши над окном, у которого я нахожусь. На консоли крепится лебедка, а к ее тросу подвешена раскладная рама, подобная той, на каких поднимаются под купол цирка воздушные гимнасты; простое приспособление – подставка для ног и два поручня, чтобы держаться. Только задействованное мной устройство предназначено не для подъема, а для быстрого спуска с высотных этажей горящего здания.

Спуск этот требует от пользователя эвакуатором немалой отваги. Ну да на что не пойдешь, дабы поскорее выбраться из огня? Стоит лишь человеку ступить на раму, как лебедка начинает стравливать трос – не слишком быстро, но и не медленно, поскольку наверху эвакуатор могут ждать другие люди. А рама, переправив на землю пассажира, тут же автоматически возвращается назад, чтобы обслужить следующего заложника пожара.

Я запрыгиваю на эвакуатор, едва рама услужливо подкатывает по консоли к окну. Кибермодули уже несутся ко мне, будто пираньи – к брошенной в воду приманке. Но как только лебедка принимает на себя вес моего тела, она тут же отъезжает на дальний край консоли – затем, чтобы при стремительном спуске я не терся спиной о стену. В моем случае это еще и оберегает меня от роботов, что могли дотянуться до троса манипуляторами и перекусить его. Всем им остается теперь лишь помахать мне на прощанье лапками, когда я с победным криком устремляюсь на эвакуаторе к земле.

Но кибермодули не сдаются. Тактика, которую они решают применить, предельно проста: механическая банда дружной гурьбой выбрасывается из окна следом за мной. Я чуть не срываюсь с рамы от испуга, когда вижу настигающую меня лавину падающих роботов. Все они сиганули с этажа или нет, неизвестно, но подавляющее их большинство – точно.

Меня спасает то, что кибермодули получили команду прыгать, когда уже сбросили скорость у края пропасти. Ни один из них не набирает должный разгон, чтобы брякнуться мне точно на голову. Самые прыгучие камикадзе проносятся на расстоянии вытянутой руки от меня, но, кроме нервной икоты, иного вреда не причиняют. Прочие же модули и вовсе летят впритирку к стене, бестолково кувыркаясь и с грохотом сталкиваясь между собой.

Эвакуатор доставляет меня вниз примерно за четверть минуты. Я соскакиваю с рамы и бросаюсь как ошпаренный прочь от здания, за ствол ближайшего дерева. Роботы-прыгуны промахнулись, но от удара о землю они разлетаются на осколки не хуже бомб. Находиться рядом с этим обвалом опасно для жизни. Я переживаю массивную атаку камикадзе за укрытием, и когда она наконец прекратилась, дворовая аллея оказывается усыпана обломками, как корка ржаного хлеба – тмином.

Сначала мне чудится, что останки кибермодулей дымятся, хотя ни один из них, разбившись, вроде бы не загорелся. Однако вскоре этот дым сливается в единое облако, которое тут же решительно плывет по воздуху в мою сторону.

Помнится, наемни я уже видывал нечто подобное. Но если смысл творившегося в клинике генерал-майор Верниковский мне растолковал, то любопытно, как он объяснит это явление.

ние? Душа Антея, вселившаяся в кибермодули, – это что-то новенькое. Новые проблемы и новая головная боль. Неприятности множатся, словно дыры в проржавелом ведре, в то время как я не пробыл в «Кальдере» и получаса. Хорошенькое начало, черт его подери. Даже малодушно сбежать, и то не получится – когда теперь верниковцы восстановят подъемник! А если восстановят, где гарантии, что его не атакует новый «Чибис» или какой другой летающий вандал?

Как и тогда, в психушке, облако разумной мантии приближается и повисает напротив меня. Только теперь я его не боюсь. Злобных кальдерцев и взбесившихся роботов – да, а вот сделавшую их такими *Mantus sapiens* – нет. Она царит в «Кальдере» безраздельно, но надо мной не властна. По крайней мере, пока. Иначе Скептик уже вступил бы с ней в жаркую схватку на своем поле, где я могу поддержать его разве что морально. Но он помалкивает, как обычно делает, когда не хочет отвлекать меня от чего-то важного. Например, успокоения собственных нервов.

Душа Антея, видимо, окончательно понимает, что со мной ее фокусы не пройдут. И улетучивается в затянутое ею же небо до того, как я успеваю отдышаться. А я осматриваюсь, прислушиваюсь и, не обнаружив поблизости угрозы, достаю ракетницу. После чего выстреливаю вверх вторую зеленую «сигналку», наблюдаю, как она растворяется в туманном мареве и обреченно вздыхаю.

Все складывается довольно дерьмово. Но теперь Верниковский хотя бы знает, что я добрался до дна впадины и готов приступить к поискам останков ефремовской экспедиции. А, стало быть, пусть генерал в лепешку расшибется, но придумает, как починить подъемник в ближайшие двенадцать часов. Потому что в противном случае мне придется тащиться к другому эвакуатору аж на север «Кальдеры». Или прорываться к подъемнику, расположенному за Обским водопадом, где-то в Верх-Тулинском районе.

Ни тот, ни другой вариант меня категорически не устраивают. После столь отвратительного начала я растерял свой последний оптимизм и не пылаю страстью к долгим рискованным путешествиям. Мне повезет, если я сумею переправиться на другой берег Ини, за железнодорожный мост, и вернуться обратно. А соваться в глубь «Кальдеры» – увольте! Я не спецназовец, чтобы совершать длительные рейды по вражеской территории. Моя профессия – управление кибермодулями огневой поддержки и боевого обеспечения, только и всего. Подчеркиваю: исключительно управление, а не война с ними, чем я только что тут занимался...

Мощный удар и последовавший за ним гулкий рокот доносятся до меня примерно оттуда, где Иня впадает в Обь. (Насколько сильно изменилась география этого района, я не знаю. Как не знаю и то, что вообще происходит с Обью в «Кальдере».) Я оборачиваюсь и вижу, как из-за железнодорожной насыпи вздымаются вверх клубы серой пыли. Ну здесь-то точно нет ничего сверхъестественного, думаю я. Тоже мне чудо: рухнуло здание! Вон сколько их в округе – и тех, что уже обвалились, и тех, какие сделают это в ближайшее время.

Однако вслед рокоту раздаются другие звуки, похожие на удары по земле гигантского молота. Или на тяжелую поступь великана, которая ощущается даже на большом расстоянии. Что именно там грохочет, мешает рассмотреть насыпь, но связь между топотуном и рухнувшим зданием очевидна.

Я вдруг припоминаю солдатские байки о некоем монстре, что заглатывает, а потом обрывает спусковые платформы, будто рыболовные снасти, и ежусь. Исполин, чьи шаги сотрясают дно впадины, вполне может оказаться тем легендарным истребителем подъемников. А также, не исключено – причиной гибели экспедиции Ефремова. Академик спустился в «Кальдеру», будучи защищенным от *Mantus sapiens* и поработанных ей людей, но не столь гигантских существ, какая бы дьявольская сила их не породила.

Слушая топот и глядя на пылевое облако, я убираю тесак в ножны и, скинув с плеча «АКМ», крадучись, от дерева к дереву, двигаюсь по аллее к реке. Расхаживающее за насыпью

существо не спешит показываться на глаза, и я готов молиться каким угодно богам, чтобы оно скрывалось от меня и дальше. Когда передо мной встает дилемма, утолить любопытство и повредиться умом или же остаться в неведении и сохранить рассудок, я обычно не задумываясь выбираю второе. Вот и сейчас я предпочитаю не соваться на мост, а добраться дворами до прибрежного парка и отсидеться там, пока угроза не минует. Судя по тому, что монстр развалил здесь не слишком много зданий, он «пасется» на довольно обширной территории и захаживает в эти края не каждый день. Авось и сегодня не задержится. Ведь не из-за меня же, ничтожного, он сюда приперся.

Громоподобный топот не стихает, а, напротив, учащается и становится ближе. Не иначе, гигант перешел на бег и вот-вот должен показаться над железнодорожной магистралью. И откуда только возникло здесь это чудовище? Неужто выползло на свет из земных недр вместе с Душой Антея? И, самое главное, каким местом я вообще думал, когда соглашался на эту работу?..

Позади слышатся лязг, скрежет и громкое шуршание, похожее на то, что издает бульдозер, толкающий груды щебня. Не нужно оглядываться, чтобы понять: исполин только что врезался с разбегу в гранитную насыпь и повалил опору электропередачи. Еще немного, и монстр увидит улепетывающего по аллее человека, после чего взревет на всю Первомайку...

Монстр и впрямь замечает меня. Но не ревет. Ничего странного – это чудовище и прежде не умело рычать. Как, впрочем, и убивать. Но если первому оно не может обучиться в принципе, то вторую науку усвоило хорошо. И немудрено. При таких-то габаритах, да плохо справляться с работой убийцы? Тем паче, что других обязанностей у него сегодня и нет...

## Глава 5

Согласно летописям, одними из героев, которые спасали Рим от врагов, по праву считаются гуси. Те самые, что подняли гвалт, когда однажды армия галлов попыталась под покровом ночи перелезть через городскую стену. Для Новосибирска – а точнее, подавляющего большинства его жителей, – такими ангелами-хранителями стали крысы. Это их серые полчища высыпали на улицы незадолго до гибели города и спешно покинули его, словно наплевав на все ученые прогнозы, предрекающие долгие лета окруженному аномальным разломом Новосибирску. Если бы не крысы и вызванная ими паника, неизвестно, как долго тянул бы антикризисный Комитет с отдачей приказа об эвакуации. И сколько народу осталось бы в городе на тот злополучный день, когда его двухвековая история подошла к концу.

Остатки крысиных орд еще бежали по окраинам, а в Новосибирске уже всю кипела массовая истерия. Спрос на грузовые автоперевозки подскочил до такой степени, что не прошло и часа, как найти в городе свободный грузовик стало невозможно. Возле подъездов жилых многоэтажек выстраивались колонны автомобилей. Вытаскивающие из квартир мебель и прочие вещи горожане создавали давки у лифтов, на лестничных клетках и учиняли драки с нерасторопными соседями. Острая нехватка транспорта привела к повсеместным захватам автобусов, которые тут же переделывались в грузовики путем срезания крыш и выдирания сидений. Один паникер заражал своей нервозностью десятки сограждан. Причем даже тех, кто по долгу службы был обязан следить за недопущением подобных беспорядков.

Через два часа после исхода крыс вся инфраструктура города была парализована. Поняв, что хаос не остановить, власти наконец объявили о том, к чему их давно призывал академик Ефремов. Приведенная в полную боеготовность бригада Верниковского вмешалась в неорганизованное бегство горожан и понемногу урегулировала потоки рвущихся прочь из Новосибирска беженцев. В первую очередь было нормализовано движение на автомагистралях. Тех, кто в панике забывал о правилах и законах, без предупреждения удаляли из транспортного потока при помощи винтокрылого эвакуатора. Таким же способом устранялись дорожные пробки. Битва за грузовики, что вспыхнула в связи с их внезапным дефицитом, прекратилась после того, как в город были оперативно переброшены тысячи армейских и гражданских грузовых машин. Конечно, все эти поспешные меры не выправили ситуацию в целом, но, по крайней мере, предотвратили новые вспышки насилия, к которому прибегали наиболее отчаявшиеся беженцы, готовые расправиться со всеми, кто стоял у них на пути.

Спустя сутки процесс эвакуации обрел относительно цивилизованную форму – сказывалось присутствие повсюду вооруженных солдат и военных комендантов. Да и большинство новосибирцев успело свыкнуться с потрясением, взять себя в руки и без лишнего крика и суеты заняться спасением своих семей. Все внимательно следили за сводками, поступающими из района киностудии «Бомбей-Кольцово». Уничтожив павильонный городок, Тропа Горгоны взяла курс на север, в сторону Гусинобродского тракта, и начала мало-помалу отклоняться к западу. Этому уже никто не удивился. Ефремову и его коллегам настрого запретили разглашать информацию о том, что скорость образования разлома неуклонно возрастает. В помощь Верниковскому прибывали все новые и новые подкрепления, как сухопутные, так и авиационные. Поэтому генерал не сомневался, что эвакуация Новосибирска будет полностью завершена через трое суток.

Правда, было пока неясно, что делать с упрямыми, наотрез отказывающимися покидать свои дома, несмотря на слезные увещания родственников. По закону, выдворить жителей из города силой комбриг мог лишь в случае явной угрозы их жизням. А таковой опасности Тропа Горгоны в данный момент не представляла даже несмотря на вызванную ее ростом панику. Идущая из-под земли непрерывная вибрация не тянула даже на слабое землетрясение и

также не позволяла считать ее предвестником чего-то ужасного. Поэтому отвлекать бойцов на насильственное переселение строптивых новосибирцев Александр Игнатьевич не стал. По горло хватало забот с теми гражданами, кто желал выбраться из города добровольно.

Комбриг сдержал данное им Комитету обещание. За трое бессонных суток идущие из города транспортные колонны с беженцами сократились до редких одиноких автомобилей. На них по большей части эвакуировались давешние упрямы, что все-таки поддались на уговоры и воспользовались услугами курсирующих по Новосибирску команд эвакуаторов. Кое-кому из беженцев, отступающих в числе последних по Гусинобродскому тракту, пришлось спешно менять маршрут. Все больше отклоняющийся к западу разлом подобрался вплотную к одному из главных загородных шоссе и рассек надвое поселок Раздольное.

До образования объекта «Кальдера» оставалось чуть меньше двух дней...

Верниковский рассказывал, что впервые в жизни он видел столь грандиозную и одновременно удручающую картину, каким предстал пред ним Новосибирск, когда его в спешке покинуло девяносто пять процентов населения. Антикризисная бригада оберегала брошенный город от повальных погромов и грабежей. Поэтому, не беря в расчет единичные факты мародерства и поджогов, Новосибирск пережил Великий Исход почти без потерь. Если бы не груды оставленного беженцами мусора, можно было подумать, что горожане по какой-то причине просто загнали весь автотранспорт в гаражи и отсиживаются по домам. Лишь армейская техника передвигалась ныне по улицам. Порой на них показывались и редкие прохожие из числа оставшихся жителей. Опасаясь, как бы их не приняли за мародеров, они старались не встречаться с военными. Комитет распорядился развернуть в опустевшем городе для ярых строптивцев полевые медицинские пункты и кухни, а также раздать всем нуждающимся мини-электростанции. Гидрореакторы на всех ТЭЦ были остановлены, а автономные источники электричества имелись далеко не в каждом здании.

Весь мир пристально следил за разыгравшейся в Западной Сибири масштабной драмой. Делались прогнозы, что же случится, когда петля аномального разлома замкнется. Засекреченные в дни эвакуации сведения о росте Тропы Горгоны стали явными. Теперь ее рост составлял около десяти километров в сутки и продолжал ускоряться. Отныне никто даже не пытался скрыть такие подробности, да это больше и не требовалось. Наоборот, пуская ежедневно в эфир бюллетени о продвижении Тропы на северо-запад, Комитет не терял надежды, что ему удастся выманить из Новосибирска оставшихся там сограждан. Откликнулись лишь единицы. На прочих такие безыскусные методы уже не действовали. Они истово верили в свою правоту, полагая, что еще посмеются над малодушным большинством, которое запаниковало и сбежало вместе с крысами, испугавшись какого-то быстрорастущего оврага.

Обсмеянный поначалу за свои неординарные научные взгляды, теперь академик Ефремов стал центральной фигурой среди ученых, продолжающих исследовать Тропу Горгоны. При виде планомерно сбывающихся прогнозов Льва Карловича Комитет решил-таки назначить его на должность своего главного научного консультанта. На что мурманский геолог отнюдь не возражал, ибо злопамятство и гордыня были ему чужды. С тех пор они с Верниковским стали работать бок о бок, а объявленные прежде недостаточно убедительными ефремовские теории стали обретать немало сторонников.

Разумеется, комбриг не преминул ознакомиться поподробнее с изысканиями своего нового коллеги по службе. Александр Игнатьевич мало что вынес из той короткой лекции, какую академик читал Комитету по приезду в Новосибирск. Однако сегодня Верниковский был вынужден непременно вникнуть в суть проблемы, раз уж объясняющая ее версия Ефремова была признана официальной...

Первое знакомство Льва Карловича с *Mantus sapiens* состоялось, когда работавшие на Кольской Сверхглубокой скважине кибермодули-бурильщики вышли на глубину тридцати

двух с половиной километров. После чего вдруг без очевидной причины все разом вышли из строя и застряли на дне главного ствола шахты. Только через сутки высланные им на подмогу роботы-ремонтники добрались до собратьев-первопроходцев. Однако в процессе их подъема на поверхность те вдруг столь же дружно воскресли и, согласно проведенной ими самодиагностике, готовы были продолжать бурение в обычном режиме.

Являясь не только руководителем геологоразведочной экспедиции, но и полноправным владельцем скважины, Ефремов был волен менять график работ по своему усмотрению. Поэтому Лев Карлович приказал остановить бурение и доставить роботов наверх, дабы выяснить, что конкретно послужило причиной странной остановки их механизмов. Встроенные видеокамеры зафиксировали погружение кибермодулей в непрозрачный газ, заполнивший придонную часть скважины. Из этого же газа ремонтники, сами в него не погружавшиеся, и извлекли застрявших роботов.

Появление подобной субстанции на глубине, где температура недр и атмосферное давление достигали чудовищных величин, не являлось чем-то из ряда вон выходящим. Так что поначалу Ефремов не связал самоустранившуюся поломку кибермодулей с этим газом. Во-первых, глубинные бурильщики были надежно защищены от воздействия агрессивных сред. А во-вторых, даже если бы газ прорвался сквозь герметичный корпус и повредил электронную начинку роботов, вряд ли после такой поломки они бы снова заработали. Некоторые – еще возможно. Но чтобы все до единого?.. В подобное участники ефремовской экспедиции попросту отказывались верить.

Дальнейшие действия озадаченного Льва Карловича почти один в один повторяли действия его коллег в первые дни образования новосибирского разлома. Разве только академик по вполне понятным причинам не проводил опыты на животных. Зато отправленная в скважину команда киберразведчиков мало того, что тоже вышла из строя, так еще и не смогла взять образцы неизвестного глубинного газа. Короче говоря, в тот год хозяин Кольской Сверхглубокой столкнулся с тем же рядом проблем, какие спустя пятнадцать лет поставили в тупик исследователей Тропы Горгоны.

А затем стряслось такое, с чем новосибирские ученые не сталкивались. Неведомо, сколько еще группа Ефремова ломала бы головы над тайной глубинной отметки «32,5», если бы растревоженные бурильщиками недр вдруг не заговорили. Хотя «заговорили» – это, конечно, слегка утрированное или, если угодно, поэтизированное определение. Но тем не менее, в отличие от новосибирцев, Льву Карловичу действительно посчастливилось услышать глас Души Антея.

Все началось с того, что в один ничем не знаменательный день закрывавший скважину металлический кожух начал издавать нескончаемый звон. Жестко закрепленная и весившая почти тонну крышка вибрировала сама по себе, наполняя колоннообразное здание буровой гулкими переливами, похожими на игру варгана – щипкового музыкального инструмента с тонкой железной пластинкой в качестве источника звука. Дребезжание кожуха длилось до тех пор, пока ошарашенные «полтергейстом» геологи не сдвинули поющий кожух в сторону.

Лучше бы они этого не делали. Едва жерло скважины оказалось открытым, как здание загудело на все лады, а находившиеся в нем исследователи ощутили себя словно внутри гигантского контрабаса. Самые слабонервные выскочили на улицу, полагая, что стометровая башня буровой вот-вот обрушится. Стены ее дрожали так, что к ним нельзя было притронуться. Но не сдрейфившие ефремовцы живо смекнули, что натворили, и поспешно водрузили кожух на место. Помогло. Тот опять завел свое заунывное варганное бречание, но оно, по крайней мере, не угрожало ни зданию, ни барабанным перепонкам бурильщиков.

Причина загадочного дребезжания кожуха и башни крылась в шахте. В этом никто из геологов, включая Ефремова, не сомневался. Предположив, что они столкнулись с неким неизвестным прежде глубинным эффектом, от которого можно ожидать чего угодно, Лев Карлович

на всякий случай наложил на буровую карантин и все дальнейшие работы на ней стал проводить в режиме повышенной осторожности. Как выяснилось, решение академика было весьма своевременным и мудрым. Исследовав кожух, хозяин Сверхглубокой обнаружил, что сердцевина крышки превратилась в сверхтвердый монолит, в то время, как ее края не претерпели никаких изменений. Тогда ошеломленный внезапной догадкой ученый не поленился облазить здание и нашел-таки то, что хотел. Такой же монолитный пяточок отыскался и в верхушке башни – там, куда после открытия кожуха угодил идущий из скважины поток необъяснимой энергии, заставляющей вещи «петь» в полном смысле слова.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.